

Олег Бобров

Ветры Баянкола

Олег Бобров
Ветры Баянкола

«Издательские решения»

Бобров О. В.

Ветры Баянкола / О. В. Бобров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934747-3

Роман «Ветры Баянкола», посвящен драматическим моментам истории Средней и Малой Азии в 11 столетии. Его главные герои — средневековые шпионы востока, именуемые «людьми дороги». Главный герой романа — Магир, человек прошедший путь от искусного шпиона и неуловимого убийцы до спасителя жизни тысяч человек и основателя нового города в ущелье Баянкол.

ISBN 978-5-44-934747-3

© Бобров О. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ветры Баянкола

Олег Владимирович Бобров

Редактор Александр Меркулов

Дизайнер обложки Александр Гвоздев

© Олег Владимирович Бобров, 2018

© Александр Гвоздев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4747-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Паутина судьбы.

Бушевали весенние ветры, привычно и неумолчно пели свою песню говорливые горные потоки. Цвел и менялся, яркий покров земного бытия.

А за стенами мрачной крепости, сложенной из вечного камня, царили полумрак и прохлада. В пустынном зале, сидел и задумчиво глядя на огонь очага, размышляя о чем-то, высокий юноша с острыми, серыми глазами и худым, волчьим лицом. Время от времени, он подносил к губам чашу с вином и делал глоток, не прерывая хода мыслей. Наконец, словно придя к какому-то решению, он, хлопнул в ладоши, и коротко приказал вбежавшему слуге: – Позови ко мне Дахира. Вскоре, за массивным столом, молодой правитель – кавар, Арбиль, только что занявший трон своего умершего отца, о чем-то, неспешно разговаривал с высоким, худощавым стариком, много лет бывшим неразлучным спутником отца в делах мира и войны: – Дахир, мой старый Дахир... Ты, знаешь, сколь тяжка и опасна участь того, кто наделен властью. Мой отец, мудрый, Тобчи-хан, мир его праху, воевал весь свой век. Его грозная конница, доходила до самого Харана и Фариса. Правители и народы платили ему дань. Теперь – душа его в объятиях небесных дев, а что толку? Врагов не стало меньше, покоренные готовы в любой момент забить в барабан дерзости и поднять знамена мятежа. Те, кто боялся отца при жизни, теперь воспрянут духом. Я взял власть, но ее еще нужно удержать в руках. В этой жизни побеждает лишь тот, кто тверже стоит на ногах. Мне нужны те, на кого можно опереться, в делах мира и войны, те, кто будет служить мне и только мне! Те, кто будут преданы мне душой и телом! Те, кто ради меня, забудут о себе! Те, для кого мои слова, будут истиной! И согласно кивнул головой старик: – Власти нужна опора, ты прав, о мой повелитель! Вечером того же дня под сводами покоев молодого правителя собрались военачальники: седоголовые рубаки, ходившие в походы еще с его покойным отцом, рубцы на их телах были напоминанием о прошлых победах. И гремел пир, и высоко вздымались чаши, за здоровье нового владыки, за мощь и процветание страны, за славные победы в прошлом, за золото покоренных, ставшее добычей победителей. Поднимал с ними кубок молодой Арбиль, и пел и пил с воинами отца... Но зорко смотрел, он, на окружавших его воинов: и разочарование стыло в его глазах... А когда же наступило утро и разошлись приглашенные, в покои тихо вошел Дахир. Ни о чем не спрашивая, присел он в углу. И какой же затаенной грустью проникнуты были слова Арбиля – Ах, Дахир, Дахир! Эти старики, эти воины, отца, не могут стать опорой моей. Не могут... Они живут прошлым! Они поднимают чаши за прошлые победы, но они не видят другого пути властвования правления, кроме удара меча и полета стрелы И осторожен был ответ старого Дахира – У нас при дворе живут знатных родов. Их взял заложниками когда-то твой отец. Их 30 – молодых мужчин, все они отпрыски славных родов. Может им суждено стать опорой нашей, в этом неверном, качающемся мире? И вечером, за столом эмира, все искрилось от блеска дорогих одежд, сверкания золотого шитья и драгоценностей... И сыновья знатных родов шумно пировали, прославляя мудрость правителя, хвастаясь собственным богатством, славой своего рода. И слушал их молодой Арбиль, поднимая с ними чашу, внимательно ошупывая глазами, налитые кровью от выпитого и съеденного, лица. А когда завершился пир, смолкли песнопения, утихли славословия и речи. И вновь позвал правитель к себе своего старого советчика. – Нет, они еще меньше подходят мне. Они привыкли иметь все – золото, рабынь, привыкли не нуждаться ни в чем. Они предадут первыми, в минуту, когда на кон будет поставлена судьба..И низко поклонившись, сказал старик: – О мой повелитель, ты, мудр не по годам. Ответь же мне, своему недостойному слуге, где же, взять тех, кто нам нужен? Кто будет служить, не зная страха, и не держа

в сердце, мысли предать? Ответ же мне, своему недостойному слуге, где же взять тех, кто нам нужен? Повелительно промолвил Арбиль: – Тех, кто не имеет ничего, кто будет служить, веря в то, что получит все блага мира. Тех, кому нужна будет власть, кто будет жаждать ее сладости.! Тех, кто не испугается дорог, кто знает изнанку этого горбатого мира.! Тех, кто не побоится смерти и пыток.! Вот те, кто нужен мне, мой верный Дахир. Найди мне таких людей. По молодому свирепо сверкнули глаза Дахира: «4 весны назад ты с отцом был в походе, да будет к нему милость небес! Праздник был в нашей столице, в нашем славном Аталыке. Много народу тогда стекалось сюда: воины, торговцы, паломники, просто – сброд людской. И я увидел, как черноглазый, темный словно уголь, мальчишка пел и плясал перед толпой, зарабатывая монеты. Толпа сыпала деньги, хохотала и приплясывала с ним вместе. Что – то в этом пареньке, привлекло меня. Я позвал его в свои покои. Яства, напитки и разговор, развязали ему язык. Он – сын вдовы, торговки фруктами. Они жили в маленьком селении. Этот мальчуган... Ему было 13 лет, имя его – Магир. Он владеет ремеслами, он умен, и очень сообразителен. Я оставил его одного в покоях и смотрел на него через потайную щель... Он не позарился на золото, драгоценные чаши и одежды, не смутили его разум. А вот блеск всего этого, что дает власть, читался в глазах его. Он жаждал блеска, и сладости власти... Он сделает многое для обладания ею. Сейчас ему уже, наверно, 18 весен. Он стал взрослым» И холодно блеснули глаза Арбиля: – Ты приведешь его. Я хочу посмотреть: на него. тот ли это, кто нам нужен мне? Ты, понял меня, старик?... Горный лес обступал склоны. Веселое, весеннее, солнышко дружелюбно проглядывало сквозь крону деревьев. Магир скинул с плеча огромную вязанку хвороста и присел на ствол поваленного дерева, вытирая пот. Он, с утра, собирал хворост и теперь, с наслаждением, извлекал из маленькой сумки, висевшей на боку, узелок с куском лепешки и кинзой, своим не хитрым обедом. Внезапно, он, уловил едва заметно колебание веток в трех шагах от себя. И два человека, в дорожном одеянии, словно вынырнули из густых зарослей. Магир, не спеша, отложил лопоту и чуть заметно протянул руку к ножу, висящему на поясе. Уловив движение, один из людей, высокий мужчина с серыми, холодными, глазами, миролюбиво поднял руку – Мир дому твоему, юноша. И пусть сладок будет хлеб твой. Ты, не против если разделим, мы, с тобой трапезу?. Ведь говорят, что и сухая лепешка слаще когда ее делят с попутчиком» Магир приложил руку к сердцу, дружелюбно сверкнув черными словно смоль глазами. Странники выложили на расстеленный коврик еду и знаком предложили Магиру присоединяться. Бормоча молитву и прося о благословении путники уселись за не богатый стол. Когда последние крошки были брошены птицам и сотрапезники лениво наслаждались покоем, улыбка озарила лицо юноши – Хвала Аллаху, сладка была пища. Вкусна вода из бурдюка вашего. А теперь скажите мне, кто послал вас и что нужно вам от меня? Сотрапезники переглянулись, скрестив острые напряженные глаза. Наконец сероглазый, видимо бывший старшим, заговорил -Ты, умен. Нас и правда послали к тебе. как, скажи Аллаха ради, ты, догадался? Дружелюбная улыбка исчезла с лица юноши и он не заметно подобрал под себя ноги, словно готовясь к броску – Здесь, лишь одна тропа в лесу. Сюда не забредет случайный человек. Вы, не купцы с караванной дороги. С вами нет товаров и коней. Вы, много ходите по дорогам, стоптаны сапоги, а они очень прочной выделки. Вы, не дарвазы – музыканты. Нет с вами инструментов. И не дервиши. Разговариваете тихо и не имеете чаш. Вы привыкли ходить бесшумно, а под халатами, у вас сверкают клинки. И не разбойники. Чего брать у меня? У вас на сапогах – влажная трава, вы шли за мной долго. Так и скажите, Аллаха ради, кому понадобился нищий юноша из забытого судьбой села? Удовлетворенно крикнул старший из посланцев – Да, ты, умен не по возрасту. Нас послал к тебе старый Дахир. Помнишь его? Радостно сверкнули глаза юноши – Помню. Он большой вельможа и славный человек. Он так щедро тогда заплатил мне за песни и танцы. Мы, были сыты два месяца, и я купил матери новую накидку. Он хочет что бы я сыграл для него еще? Будут гости? Тень скользнула по лицу бродяги – Он послал нас за тобой. Нам приказано доставить тебя в город.

Оседланные кони ждут не далеко. Не тревожься о матери. Ей привезут золото и скажут, что, ты, ушел на заработки. Поедем Магир!! Клянусь Аллахом, не пожалеешь!!! Каждому из нас суждено идти тропами лукавой судьбы своей! Стремительно, словно пружина, разогнулся черноглазый юноша- Клянусь милостью Аллаха! Я готов ступить на тропу судьбы своей. Молчавший до этого второй бродяга, удовлетворенно кивнул головой – Мы, не сомневались. Большая судьба ждет того, кто смел и умен. И большие дороги предназначены тебе. И вскоре копыта коней дружно взметнули пыль на старой, заброшенной, караванной тропе... Несколько мгновений умные, проницательные, глаза Дахира обшаривали лицо Магира, а затем, ласковая, отеческая, улыбка, лучиками разбежалась и спряталась в его морщинах – Ты, вырос, Магир! Ты, был славным мальчуганом, а стал таким молодцом!. Скажи, ну разве такому как, ты, место в забытой Аллахом деревне и поиске денег, на ломоть вяленого мяса? Нет, таким суждены тропы и большие вершины. Таких любит удача!. Внезапно Дахир усмехнулся – Тебе смущает то, что одежда твоя стара и залатаны сапоги?. Не беда. Лишь дурак прикрывается цветной тряпкой. Ум и молодость есть у тебя. А это видно и без богатых одеяний. Мои люди нашли тебя. Я не ошибся. Они рассказали как, ты, сразу же догадался кто они. Ах, если бы у меня был такой сын!! Я хочу что бы, ты, мальчик, вступил на дорогу большой жизни, на тот путь, который и ведет по этому грешному миру, который делает людей счастливыми и удачливыми! Смущенный Магир застенчиво взмахнул рукой – Да пошлет Аллах вам благословение свое!! Но, устод (учитель).. Чем могу я быть так полезен вам в этом качающемся мире? Я, просто, юноша из нищей семьи, сын вдовы..Я могу петь, плясать, веселить людей. Знаю ремесла, люблю дороги, люблю людей и чту волю Аллаха! Юноши из знатных семей более достойны великой чести и славы. Взмахом руки прервал его улыбающийся старик – Ты, знаешь жизнь, знаешь, какой ценой надо платить за ломоть лепешки и пиалу молока! Ты, стоишь один, 5 изнеженных бездельников, гарцующих на конях и похваляющихся отцовским золотом. Я хочу, что бы судьба легла тебе под ноги цветным ковром величия и наслаждения. И помолчав продолжил старик – Не тревожься. Все в руках неба. А сейчас, ты, просто гость. Наслаждайся жизнью. Сам великий кавар, да пошлет Аллах ему долгие годы примет тебя. Лучшие вина, еда, которую по праву, уготовано вкушать лишь праведникам, все это ждет тебя. А может, ты, хочешь вкусить и тех наслаждений, которые нам заповедовал сам пророк, а? Я сам то, увы, лишен уже их. И Дахир, вдруг, по – мальчишески расхохотался, лукаво подмигнув счастливо улыбающемуся пареньку. Магир нерешительно повел плечами – Благодарю устод, но я не питаю жажды в наслаждениях женщинами или травами, дарящими радость. Ведь жизнь, дарованная нам, так коротка и так велика! Дахир согласно кивнул головой – Ты, молодец, ты – славный юноша. Тот, кто сумеет оседлать коня судьбы тому сами будут падать милостью Аллаха, наслаждения и радости. Однако, речь короткая хороша. Славный стол и доброе вино ждут нас. Ты, ведь голоден. Ты разделил кусок с теми кто приехал к тебе. Сейчас время омовения и молитвы, а затем, мы, разделим не хитрую трапезу нашу! Щедрой рукой Дахир угощал своего молодого гостя, едва прикасаясь к изысканным блюдам, сделавшим бы честь даже столу халифа. Широкая улыбка не сходила с его лица, но порой, на какие то мгновения, он, бросал острый взгляд на юношу, блаженствующего от славной еды и блеска гостеприимства. Когда досторхан был убран, старик широко повел рукавом халата – А теперь отдохни, Магир. У меня, клянусь пятой пророка, так много дел. Вот тюфяки, подушки – мутаки, одеяла из Дамаска. Вкушай радость бытия! Несколько мгновений старик пристально смотрел на черноглазого Магира, задремавшего, с детской улыбкой на лице, а затем бесшумно вышел во внутрении покои дворца. Повинуясь знаку его руки двое неприметных людей, в пропыленной одежде, приблизились к нему. И тихо и повелительно зазвучал старческий голос – Вы, все сделали так как нужно. Он уснул, душа его услаждена. Вот вам награда. А теперь смотрите за ним. Все его желания должны выполняться. Вы, все вместе взятые, не стоите вот такого молодца. Арбиль стоял у стены, увешанной оружием и доспехами, внимательно

что то разглядывая и обернулся, почувствовав взгляд старого слуги. Молодой правитель обернулся и довольная, чуть тщеславная, улыбка полетела в адрес кланяющегося старика – Ты знаешь, Дахир. Я видел и слышал все. Я видел как этот юноша был смущен и тронут. Как пришлось ему по вкусу уважение и почет.. Что скажешь, ты? Дахир не торопливо погладил бороду – Мой владыка. Я не отрывал от него глаз. Я видел как, он смущен и растроган. Я смотрел как он вкушает трапезу. Я предложил ему наслаждение шармутами и травой радости. Каждый его жест ложился в сердце мое. И не много помолчав, вновь, заговорил старик – Мой повелитель. Если бы только знал, он, на каком волоске висела его жизнь. Он проклиная все, бежал бы из дворца так, что его не догнал бы сам шайтан. Если бы я только понял, что ошибся в нем, клянусь волосом в бороде пророка... Удивление отразилось на лице молодого правителя – Клянусь Аллахом!! Я не понял тебя. Поясни, Дахир! И широко улыбнулся старик – Если бы, он, вкусив почета, начал самодовольно надуваться как павлин, если бы, он, накинулся на вина и еду и начал громко кричать о своем будущем величии и славе, которые ждут его. Я бы горько сожалел бы в душе, о том, в каком молодом возрасте суждено идти ему тропюю предков. И благословив отпустил бы его. Щедро одарив и обласкав. А путь домой так далек и разбойники в горных теснинах не шадят чужих жизней. Молодо расхохотался правитель – А если бы, он, польстился на шармуту-наложницу, возжелав вкусить райской сладости из священного источника Зем-Зем или захотел бы травы радости? Что тогда? Лишь сокрушенно развел руками коварный старик – У нас есть шармуты, способные свести с ума хоть самого шайтана, а трава радости лишает разума..Он, получил бы эти удовольствия. Правоверный имеет их когда возжелает душа его. А вот нырнув в омут наслаждения вынырнуть трудно из него. А женщины коварны и коварны травы, посеянные иблисом.. Жестом правитель приказал старику садиться, не сводя с него глаз, в которых плескались восхищение и робость. Зажурчал, не торопливо, вновь голос Дахира – Магир был растроган и готов оплатить за услугу услугой, за гостепреимство ответить дружбой. Он жаждет жизни и трезво глядит на себя и мир. Он знает изнанку судьбы..Теперь же, он, увидел кусочек блеска жизни. Он был голоден, но ел и пил так, что ему могли бы позавидовать дети знати. Он не оскорбил хозяина безрассудством, хвастовством или жадностью. Он знает, что гость в доме – бог в доме. И потому спит сном младенца, поверив в чистоту помыслов хозяев. Удивленно тряхнул головой Арбил ь – Ты, мудр, старик. Ты, сумел предвидеть все..Ты сплел паутину из которой не выбрался бы и сам. шайтан. Этот парень проснется. Я буду говорить с ним сам. Омут почета захлестнет его. Он будет рад такому доверию. И пойдет тропой людей дороги, с легким сердцем. Дахир кивнул седой головой – Да, мой повелитель, пойдет с легким сердцем. Он, чист, он, не испорчен. Он не знает женской ласки, нет у него друзей. В нас он увидит свою опору в качающемся этом мире. Я смотрел на него и подумал что может привязать человека с таким взглядом, к ремеслу человека дороги? Жажда денег?. Он не алчен. Может довольствоваться малым. Любовь к маленьким радостям: траве и шармутам.? На это падки лишь глупцы. Стремление к славе?. Люди дороги не живут долго и слава их навещает лишь на мосту в рай. А вот жажда жизни, огонь, жгуший душу – они мутят разум кого угодно. Тихо сказал правитель, откинувшись на подушку – мутаку- Клянусь стопой пророка!! Ты видишь души и помыслы людские, старик. А этот паренек... Он, не сможет теперь вырваться. Никогда!!!!. У нас много людей дороги. Все они в наших ладонях. И все же. Может привязать его крепче? Дахир отставил в сторону чашу с вином – Можно привязать человека. Вот чем? Для каждого есть свой замок. Я уже думал об этом, мой владыка. Думал. Привязывают кровью, любовью, деньгами, властью..Но это все не то. Магир умен и проницателен. А вот дорогами, играми шайтана, мы, его и привяжем навсегда. И чуть усмехнувшись, старик пояснил – Игры шайтана вбирают все: кровь, деньги, женщин, власть. Это бездна. Сорвавшись в нее нет хода обратно. Сердце отвыкает чувствовать боль чужую, каменеет душа..Раб попробует порвать цепь.? А что с ним будет потом? Страх смерти над головой, в каждый миг? Призраки прошлого и адские огни

иблиса? Можно сбежать. Куда вырваться от себя? Арбиль согласно кивнул головой – Именно так. Но однако довольно. У нас хватит забот и без Магира. Послушай, мой верный слуга... Я хочу чуть добавить сладости шербета в кувшин забот. Ты знаешь, моя любимая наложница Зухра сейчас возится с нашим сыном. Ему уже 5 весен. Можно глянуть во что он играет. А детский смех развеивает печали души нашей. Составь мне пару, усладу сердца моего! Прошло 3 часа. И черноглазый Магир и молодой правитель сидели за чашей доброго вина. Дружески, доверительно говорил при этом Арбиль: «Глупцы думают, что власть это дворцы, золото, рабы. Настоящая власть – это власть над людьми. Только тот правитель, кто умеет заставить служить себе... повинаться. Власть не должна быть на виду: тогда ее легко лишиться. И я хочу, чтобы в сердце своем и в разуме, ты, именно такую власть держал. Ты молод, бог многое дал тебе. Ты, сможешь играть людьми, переставляя их, как фигуры на шахматной доске. Ты увидишь мир... ты познаешь сладость обладания людьми... подчинения их. И широко улыбнувшись, Арбиль поднял чашу, и чудной улыбкой ответил Магир, подняв в знак согласия свою. А через минуту, не веселый собеседник, почти ровесник... жесткий, немногословный повелитель глядел в глаза Магиру: – Отныне, ты, человек дороги, помни это. Прежнего Магира больше нет. Он исчезнет словно утренний туман. Теперь у тебя нет лица. Зато будет много чужих... и все они будут твои, помни об этом... Всегда. И прежний Магир исчез... Вначале – веселый торговец фруктами, с живыми, черными, глазами, затем – караванщик на горных склонах, потом развеселый поэт-дарваз, танцор и фокусник, ступили на тропу своей судьбы. И то с караванами, то пешком, в пыльной дорожной одежде, то верхом на коне, Магир входил и въезжал в чужие города и селения. И все рушилось, все менялось там, где появлялся черноглазый странник. В одном городе поселился развеселый торговец коврами. Вскоре, он, стал своим во дворце правителя, который не брезговал вместе с ним поднимать чашу. А через год, конница Арбиля прошла непроходимыми, горными, кручами и непротрезвившийся правитель ползал у ног коня молодого эмира... В другом краю, развеселый торговец рыбой, с живыми черными глазами и чудной улыбкой, весело торговал у стен арка, где жил правитель, а через полгода... братья правителя, сами, принесли его голову к ногам Арбиля и тут же навсегда потеряли свои... Осень нежно улыбалась миру. Причудливо расцвеченный ковер из листьев опал на землю. Предгорный лес добродушно шумел о чем то. Шумный Кашгар наполнялся разноголосым гулом караванов, окликами, бранью, разноязычным говором. Славный на весь восток, базар, открывал свое сердце продавцам, покупателям, просто зевакам. Пришедшие с последним караваном в город, дервиши, дарвазы, бродяги, из которых давно вытряхнул душу ветер странствий, не торопливо занимались своими делами. Кто облюбовал место для сбора милостыни, разложив свои не хитрые пожитки, кто стряхивал дорожную пыль, переругиваясь с соседями. Кто то вытянув шею, жадно вглядывался в разноцветие рынка, лоя ноздрями аромат еды с постоянных дворов и чайхан. Высокий дервиш, с черными кудрями и живыми глазами, звонко напевал слова молитв, трясая, время от времени, чашей, выдолбленной из тыквы. Казалось, что, он, так увлечен своим делом, что мир, созданный Аллахом, давно стал для него чужим. Чернокудрый дервиш был настолько привлекателен, что послушать как, он, выкрикивает, словно, выпекает, суры из корана, стекался самый разный люд. Монеты в его чашу сыпались со всех сторон. Слово не замечая их, дервиш самозабвенно беседовал с высшими силами. Внезапно, какой то, шум, в самом центре площади, отвлек тех, кто внимал ему. Головы повернулись в другую сторону. В мгновение ока лик певца, славящего всевышнего, изменился. Чаша с монетами исчезла в складках лохмотьев, а сам, он, поджав ноги, сел в выемке у глинобитной стены, исподлобья, бросая острые взгляды по сторонам и нащупывая за поясом шаровар отточенный, мазендаранский, кинжал. Располагавшийся рядом с ним, плечистый, юродивый, с заиканием и хрипом, напевавший какие то песнопения, не заметно склонился к уху дервиша – Дело плохо, Магир, плохо. Тех троих, кто пришел с нами, узнали купцы. Сбежалась стража. Их изрубили прямо на площади. Надо уходить.

Стражи рыщут по рынку. Горожане с удовольствием примут участие в охоте на людей дороги! Черноглазый дервиш процедил сквозь зубы – Да примет Аллах их души, Хасан. Но, мы, не можем уйти, бросив Али и Якуба. Нужно ждать. А потом, на милость Аллаха и ротозейство шайтана! Тот кого назвали Хасаном, скрипнул зубами – Шайтан перешел нам дорогу, Магир. Стражи, расталкивая древками толпу, деловито, оглядывали нищих, дервишей, бродяг, жавшихся под лучами солнца, ежившихся, словно желая провалиться на месте. Внезапно, Магир широко всплеснул руками и утробно рявкнул, так что под стражниками шарахнулись кони – Сотворите беззаконие на земле трижды и трижды три, вернется оно к вам! Двое оборванных странников, воспользовавшись минутной заминкой ищущих, скользнули вдоль стены. Тоном, не терпящим возражений, чернокудрый дервиш, едва слышно, произнес – Сейчас они будут здесь. Быстрее уходите. Пока не закрылись ворота города. Да поможет нам Аллах! Нищие, бродяги, дервиши, словно повинувшись команде, с гнусавым пением молитв и сур из корана, кинулись врассыпную. Стражики, подняв копья, устремились вслед за ними. Внезапно, трясаясь, словно в припадке святого восторга, чернокудрый певец молитв склонился на дороге, у них, на пути, завывая и воздевая руки к небу. Кто то из воинов набожно вздохнул – Святой человек!, кто то раздраженно рявкнул – Да к шайтану его под хвост! Оттащите его прочь!. Три воина покинули седла, и с извиняющимися улыбками подошли к неистовствующему дервишу – Прости нас, святой человек! Но нам приказано освободить путь!. Чернокудрый дервиш поднял глаза к небу, широко развел рук..В тот же миг, даже не успев ничего осознать, два стража распростерлись в пыли, а третий, с хриплым воем, ухватился за рассеченное лицо и осел на колени. В мгновение ока, черная тень метнулась в седло, и ухватив под узцы еще двух коней, ринулась к еще не закрывшимся воротам Кашгара. Словно ждавшие сигнала, люди в отрепках кинулись к нему, птицами взлетая в седла. Внезапно, один из них, неловко повернулся и рухнул. Из спины у него торчала стрела, какого то, оправившегося от неожиданности, стража. Магир сверкнул черными глазами – Прощай, Али! Прощай и прости, брат! Хасан, Якуб! Уходим! Три всадника вылетели из города, пригинаясь к гривам коней, а сзади уже дышала в затылок погоня, жаркий ветер, бивший в лицо, кричал о смерти, сидевшей на плечах. Запели свою страшную песню стрелы и скрипнув зубами Хасан, увидав, как катится прямо под копыта коней Якуб. Уже наступал полдень, а погоня, отряженная из стражей – кашкайцев, сидела на плечах беглецов. Видимо поняв, что черный дервиш особо опасен, его стремились взять живым. Хасан прохрипел – Магир! Коня не выдержат скоро! Пришло время последнего боя, брат! Магир внезапно сверкнул зубами – Нет! Нет, Хасан! У храбрых свои боги! Еще не много, брат! Держи за мной! К старому арыку! И беглецы прищипорили и без того готовых рухнуть коней. Магир рявкнул – Бросай коня, брат! Прыгай в воду, Хасан! Мутная, мелкая, вода, едва доходившая до горла, укрыла отчаянных людей, сидевших в мутной, глинистой жиже, пригнувшись и задерживая дух. Было слышно, как, бранясь, подъехали всадники и спешившись, принялись тыкать копьями в илистую, грязную воду. Магир внезапно увидел, что розоватые струйки поплыли наверх и чуть прикусил губу. Копье задело плечо. Боли почти не было, но полоски мутно розового цвета расплывались все шире. Магир повернул голову.. Скорчившийся рядом, Хасан указал рукой наверх. Облепленные тиной, две головы приподнялись над водой, жадно глотая воздух. Воины отошли в сторону на полтора десятка шагов. Хасан прохрипел – Магир! Я не хочу сдыхать, захлебнувшись грязью! Давай вылезем и встретим смерть! Магир, похожий на черта, сверкнул глазами – Нет, брат! У нас есть ножи и зубы! Мы, сможем еще взять кого то на закуску к джиннам! Локтем, он, чуть толкнул Хасана. Подошедший совсем близко, страж лениво ткнул копьем в воду, на мгновение отвлекшись на пролетающих над головой птиц. Одним рывком, Магир, ухватил древко и с силой дернул. Воин рухнул в арык, отчаянно вопя. В тот же миг две фигуры, ринулись на берег. К оставленным стражами коням. Магир встряхнул кудрями» Держись брат! Аллах с нами!» Еще миг, ну, еще не много, и густое облако пыли из под копыт,

скроет беглецов от воинов, мгновенно выпустивших тучу стрел. Храпящие кони уносили все дальше. Скоро пошла предгорная равнина. Магир повернулся к сотоварищу и улыбка сползла с его лица. Хасан, роняя комочки крови с губ, медленно клонился с седла. Магир едва успел подхватить его, увидев что из спины человека дороги торчит стрела... Ночь они встретили в тесной пещере, прижавшись к друг другу. Хасан попытался улыбнуться – Ты, вытащил стрелу, брат мой, Магир! Ты, продлил мне жизнь! А зачем?! Магир поправил тряпицу на распоротом плече – Жизнь дарована Аллахом, Хасан! И живет тот, кому суждено жить! Его собеседник, обычно молчаливый, вдруг тихо и сбивчиво заговорил. Речь его была похожа на скороговорку умалишенного. С трудом приподняв голову, Хасан едва слышно и быстро лепетал – Жить?! Вот так... жить? ...Волком, а сдохнуть псом, Магир?! Скажи мне, брат! Как, ты, оказался в этой волчьей стае?! Как и зачем?! В прошлом месяце три человека дороги так же уходили от смерти. Один был ранен. Его дорезали, спасая себя. А, ты... бросив коней, тащил меня, зная, что я скоро уйду к шайтану?! Зачем, Магир?! Его черноглазый собеседник стиснул зубы – У нас одна кровь, брат! Терпи. На рассвете будет туман. А за перевалом Аталык! Умирающий горько ухмыльнулся – Там.. логово.. Магир.. волчье логово! К утру, Хасан выпрямился во весь рост и потянувшись, затих на веки... Старый Дахир сидел при тусклом свете масляного светильника и, не спеша, перелистывал пожелтевший пергамент какого то старого свитка. Скрытый, с неприцаемостью камня, равнодушный к золоту и удовольствиям, старик имел лишь одну склонность. Он, любил, на досуге, читать старые манускрипты, попавшие в руки к нему разными путями. Порой, он, прищурившись, делал отметки острым каламом на страницах и поэтому недовольно взглянул на возникшего на пороге начальника дворцовых надсмотрщиков – мухтасибов, склонившегося ниц – Что стряслось и чего ради ты тревожишь покой мой, когда еще рассвет лишь заглянул в окна?! Страж раболепно сложил ладони – Аллах свидетель! Я бы не осмелился, но..Из тех кто ушел в Кашгар, вернулся один Магир. Он ранен. Остальных перебила стража. Он, дорогой, вырвался из объятий смерти! Дахир, с легкой досадой, отложил свиток времен первых Саманидов – Магир вернулся?! Он ранен, но жив?! Ну что же... Где он?!. Старик долго разглядывал чудом спасшегося человека, который спал на кошке мертвым сном. Вид Магира был страшен. Почерневшие от жажды губы, ноги, разбитые в кровь, черная, набухшая, повязка на плече, сожженное солнцем лицо. Везир обернулся к придворному лекарю – табибу – Он должен быть здоров и горесть должна уйти из сердца его. Ты, будешь давать ему настой от которого крепко спят. Во сне шайтан уносит боль прошлого! Магир нужен мне. Ты понял?! После этого старик не заметно кивнул начальнику стражи – Пойдем со мной! Аллах перед намазом утренним, велит усладить слух мудрой беседой! В дальнем покое, куда не проникали ничьи уши и глаза, старик, повелительно, произнес глядя на начальника стражи неподвижным взглядом – Что успел сказать Магир? Начальник стражи, полу-седой, массивный курд, пожап плечами – Клянусь Аллахом! Остальные погибли в Кашгаре, под саблями стражи, один, в дороге, умер от раны! Старик кивнул – Да примет их души Аллах! А теперь послушай меня! Сейчас ты отберешь из своих воинов трех уроженцев Кашгара, обрядишь их, в отрепки нищих, и отправишь туда, откуда вырвался Магир! Понял? Сделаешь не медля! Стражник, с трудом подавил изумление – Будет сделано. Но, клянусь Аллахом! Зачем отправлять людей туда где еще не высохла кровь людей дороги?! Старик хмыкнул- Потому и отправляю, что бы чужая кровь затмила эту. Страж открыл рот, с испугом глядя на Дахира. Царедворец, по стариковски, добродушно пояснил – Головы людей дороги, разбойников и всех казненных, в Кашгаре выставляют, насаженные на колья. Всем в назидание. А твои люди, в лохмотьях нищих, просто пустят слух, что узнали в них людей брата кашгарского эмира, он, правит в Коялыке. Они давно враждуют. Будет большая кровь между братьями. Они сами сделают то, что не успели довершить Магир и те кто был с ним. Ну, ты, понял меня, невежда, не достойный даже пасти баранов?! Пятясь и кланаясь, воин ушел. Внезапно лицо Дахира стало мрачным и он выдохнул – Я знаю, что

они думают. Душу старого Дахира сожрал иблис! Я это знаю и без них! Но тот кто хочет жить сядет играть в кости даже с самим шайтаном... Весна вовсю шествовала по Аталыку. Чувствуя ее тепло, веселым ржанием отзывались кони в табунах. Караванщики снаряжали телеги, готовясь к новым странствиям. Магир сидел на постоялом дворе и задумчиво потягивая айран, размышлял о жизни, время от времени, встряхивая смоляными кудрями, в которых уже поселился первый снег. Раненое, во время вылазки в Кашгар, плечо зажило за зиму. Старый Дахир отцовски, дружелюбно улыбался, сажал с собой за стол, делился секретами власти. Но, порой, ледяной холод трогал бесстрашное сердце Магира, когда он слышал глуховатый, ласковый, голос старика, видел эти добродушные, искрящиеся, расположением глаза старого хитреца. Прирожденный человек дороги, Магир осознал, что, он, лишь, соломинка в беспощадном урагане времени, что краток век людей дороги и с каждым днем все меньше остается под телесной оболочкой, души того развеселого 18 летнего паренька, которого позвали ветры странствий и песни дорог. Он, был так погружен в свои мысли, что не замечал ничего вокруг. А жизнь на постоялом дворе кипела вовсю. Рядом, с Магиром купцы заключали сделки, кто то, азартно, играл в кости, неслись божбы и проклятия, в дальнем углу, курили дурманящее зелье. Внезапно человек дороги почувствовал, что то кто то опустился на кошму, с ним рядом и теревит рукав его халата. Магир поднял голову. Высокий человек, в поношенной одежде, с полу-седыми висками, просительно заглядывал в его черные глаза и что то говорил. Магир отвлекся от своих дум – Ты что то хочешь от меня, почтеннейший? Скажи Аллаха ради, чего ты хочешь? И кто ты? Человек порывисто вздохнул – Меня зовут Атанияз. До недавнего времени я водил караваны по горным тропам. Я вдов, мою жену – Бибигуль, до времени призвал Аллах. Магир кивнул – Да будет милостив к ней Аллах. Но что нужно от меня, почтеннейший? Человек огляделся по сторонам и перешел на сбивчивый, пронзительный полу-шепот – Я знаю много о тебе, почтенный Магир. И моему горю, ты, чья мудрость известна, можешь помочь! От изумления, человек дороги едва не уронил чашу с айраном. Впервые в жизни ему говорили, что знают о нем много, да еще уповают на его мудрость, надеются на помощь. А собеседник продолжал – Я водил караваны. Много лет. Но теперь я разорен. Я в долгах, неоплатных. Но пусть меня судит Аллах, мой век истекает, почтенный Магир.. У меня сын. Моя надежда. Его зовут Мурад. Ему 15 весен. Я хочу, что бы он жил. Понимаешь?. Что бы ковер земли стелился ему под ноги. Магир, ошарашенно спросил» Почтенный, ты, не ошибся? Твой разум не помutilи духи вон того дурманного зелья? Я, не вельможа, не купец, не глава рода. Какой помощи, ты, ждешь от меня, правоверный? Караванщик кивнул утвердительно – Я ни капли не ошибся, почтенный. Ты, из тех людей чья власть и мудрость не меряется золотом и знатностью. Ты, ведь вхож во дворец. Тебя ценит сам почтенный Дахир, да продлит Аллах его годы. Вот и яви милость. Замолви слово свое перед теми кому всевышним дарована власть. Пусть мой мальчик... Пусть найдется ему место при дворе. нашего великого эмира. Мурад сметлив, грамотен, не трус. Замолви слово за него. Мы будем благодарны тебе, а Аллах не забудет твою доброту! Магир не поверил своим ушам. Этот полу-седой караванщик хочет своими руками лишит свободы и жизни сына, единственного сына. Человек дороги отрицательно качнул головой – Нет почтеннейший! Я не смогу, да и не хочу, что бы сын твой начал свою жизнь опираясь на ворота власти, как слепой на стену. Человек должен сам выбирать! Атанияз расчел его слова на свой манер. Его рука нырнула за пазуху и он заговорщески подмигнул собеседнику – Почтенный! Моя благодарность! Вот украшения покойной жены! Это самое ценное, что осталось в доме моем! Не отринь руку просящую. Внезапно тяжелая рука безрассудного гнева легла на разум Магира. Он вспомнил себя, каким, он, был, когда попал в сети власти, тех собратьев, кто сгинул на плахе, кто пропал безвестно! И сильным рывком он подтянул к себе за ворот растерявшегося купца. Черные глаза Магира метнули столб искр и, он, почти прошипел в лицо Атаниязу – Ты, хочешь устроить сына в тепло, да? Во дворец? Поближе к тем, у кого

в руках власть, а почтенный? А, ты, знаешь, что за такую милость Аллаха платят! Понимаешь, платят, страшной ценой?! Ошеломленный купец растерянно забормотал – Аллаха ради, прости почтенный Магир..Я..я.. не знал.. я не хотел... Униженно кланясь Атанияз попятился к выходу. И что то словно угасло в груди уставшего, одинокого волка. Он, не громко спросил – Ты, хочешь блага сыну своему, а правоверный? Ты, хочешь, что бы он познал сладость прикосновения к власти, да? Хорошо же. Завтра в полдень. Я буду ждать его, здесь... Солнце перевалило за полдень. Высокий, чернокудрый, мужчина, с явным снегом на висках, шел по Аталыку в компании кареглазого паренька с живым, бойким лицом. Впереди тянулись чередой ремесленные ряды..Внезапно Магир остановился – А ну ка, принюхайся Мурад. Чем пахнет? Юнец потянул носом – Кузня, устод. Металл, пламя! Магир хмыкнул – Это запах удивительный, бача, это запах власти! Весело брызгали искры в кузне, остывал пламенея металл. Два лучших оружейника из Дамаска, подняли головы от связки оружия и с недоброжелательством уставились на вошедших. Магир почтительно прижал ладонь к сердцу – Мир дому вашему! Наслышанны о не сравненном искусстве вашем ковать и калить сталь боевую! Да пошлет вам Аллах милость свою! Да будет ли позволено нам лицезреть чудо рождения клинков ваших? Ибо они внушают трепет и восхищение миру подлунному? Звонко и весело бухнули молоты. Не имевшая формы полоса металла на глазах стала превращаться в сабельный клинок. Наливаясь синевой, она погрузилась в масло. Оружейник из Дамаска задорно хмыкнул, глядя на открывшего рот Мурада и на торжественно- спокойного Магира -:Вы увидели чудо соворения бесподобного клинка? Так Аллах вам в помощь! Ангелы в догонку! Секрет этот не познать вам во веки! Мурад, смущенно, попятился к выходу, но внезапно голос Магира отвлек от горнов и кузнецов и подмастерий – Почтенный! Я, клянусь Кораном и именем пророка, что булат, рожденный тобой прекрасен, но..Его возможно превзойти! Взрыв хохота потряс кузню: смеялись кузнецы, торговцы, хихикали подмастерья! Превзойти самого Хакима! Хакима из Табаристана! Его клинками восхищаются халифы и румийцы, франки и аланы! Магир, чуть заметно тряхнул кудрями, снял халат и встал к горну..Звуки веселья, словно по мановению судьбы смолкли! По одному подходу, по одному прикосновению к молоту, стало ясно, что в кузню вошел мастер, и мастер не простой. Если в руках Хакима ибн Табари, кузнечный молот пел, то, в руках Магира, он, словно отбивал какую то мелодию! Ер дуст Аллах! Звенел, плясал, словно канатоходец на ярмарке! Смолкли клики, погасли ухмылки! Полотно со странным, пляшущим, узором погрузилось, с шипением, в чан с маслом! Не выдержав, оружейник из Табаристана выкрикнул – Я ставлю об заклад, все что попросишь! Мои клинки не превзойти никому и никогда! Черноглазый, закопченный, умелец дружески улыбнулся – Аллах рассудит! Если мой закал и ковка окажутся лучше! То залог и условия скажу я! Люди столпившиеся в кузне изумленно крикнули – Иль алла, иль бисматулла! Пусть решит всевышний! Хаким кивнул – На волю Аллаха! Пусть насадят на клинки рукояти достойные, отточат их, а там, на милость судьбы! Когда приказ был выполнен, человек дороги вдруг застенчиво улыбнулся – А, не найдется ли, здесь доброго скакуна? Хоть на пол стражи?! Хозяин кузни, смотревший за всем происходящим открыв рот и поводя головой, прохрипел – Есть скакун оседланный! Но зачем? Магир поднял руку – Ман джадда, ваджадда, почтенные! Кто искал тот нашел, уважаемый!!!. Через пол – стражи я вернусь, клянусь Аллахом. Остолбеневший Мурад глядел во все глаза. Когда Магир, сверкая черными, с проседью, кудрями вошел в кузню, рев голосов встретили его. Хаким, почтительно прижав ладонь к груди, произнес – Велик аллах! Настало время испытать сталь, завещанную небом! Магир кивнул – Да будет милость неба! Иль Алла! Подмастерья сноровисто принесли нормандский щит треугольной формы. Вперед выступил смуглолицый человек, с лицом с пересеченным шрамом – Во имя Аллаха! И со свистом, взлетела сабля, откованная руками Хакима! В миг единый, она превратила в куски, щит, сделанный оружейниками Италии! Зрители взревели от восторга! Магир кивнул головой – Лучшего закала не видало небо!

И все же. В мгновение ока, он, извлек из кармана тончайший плат, кумской выделки и взметнул его в воздух..Белая ткань, трепеща, упала на клинок сотворенный Магиром и распалась на две половины. Все кто были в кузне остолбенели. Кто то ошарашенно потирал глаза, кто то смотрел на удивительного мастера. Задетый за живое, Хаким рывкнул – Ну, раз так! Пусть же будет заклад! Клинок на клинок!! Булат пытаются огнем! И если во встрече сталь на сталь, кровь на кровь, ты, победишь, то я приму условия твои, Магир колдун!, Магир – джедал! Испещренный боевыми шрамами, воин взмахнул клинком, со свистом рассекая воздух. Магир мгновенно развернулся ему навстречу. Воин, нанятый Хакимом, свирепо крушил воздух, роняя молнии. Зрители лишь расступались, восхищенно ахая. Однако вскоре все поняли, что противник бойца нанятого Хакимом, слишком спокоен и хладнокровен... Магир, чуть заметно уклонялся от страшных ударов, способных повалить быка, едва шевелил клинком, лениво отмахиваясь. Но вскоре стало заметно, что его противник едва удерживает саблю в руках, после каждого столкновения булата, и теряет силы и хладнокровие. Под рев зрителей, противник Магира внезапно перекинул клинок из руки в руку и нанес удар, способный расколоть гранит.! Магир мгновенно отклонился в сторону и воин кувыркнулся в воздухе. В тот же миг, сабля Магира, сделав неуловимое движение распорола очкур на его кожаных шароварах. Хохот зрителей потряс все вокруг., Клинок, распорола шнур шаровар и запутавшись в них, воин с проклятиями, рухнул. Попытался в бешенстве вскочить и снова упал... Магир повернулся к Хакиму – Аллах видит все! Мой клинок оказался удачливее, почтенный! Оружейник с бешенством и изумлением глянул на Магира – Видно сам шайтан помогает тебе! Говори какую, ты, потребуешь плату! Зеваки возбужденно загомонили. Все лезли на головы друг к другу, что бы увидеть чудо – кузнеца, оказавшегося еще и таким славным воином. Магир не ответив, подошел к барахтавшемуся воину и протянул ему руку, помогая подняться, а затем дружески улыбнулся – Славен отец, породивший такого воина! Непобедимо войско, где есть, такие палваны! Победенный, смущенно втянув голову в плечи, юркнул в толпу, придерживая шаровары руками и багровея от стыда! Хаким яростно скрипнул зубами – Чего хочешь, ты? Говори, бери плату и уходи! Я готов заплатить!! Магир, с какой то, не понятной, грустью вперил взор в лицо посрамленного мастера и громко произнес, так, что бы слышали все - Почтенный устод! Перед всеми и перед ликом Аллаха, клянусь я, что клинки откованные тобой, лучшее, что видели глаза мои! Я вернусь сюда через два дня в это же время и скажу, какова плата! Толпа радостно и возбужденно загудела – О, велик Аллах! Мы свидетели! Мы придем!, Хаким из Дамаска, может попрощаться с деньгами, своей кузней и славой!. Мурад вцепился в руку Магира – Устод! Ты велик! Ты, не сравненный мастер и воин! Таким как, ты, удача ложится в руки! К изумлению паренька, какая то судорога пробежала по смуглому лицу наставника и, он, передернул плечами, на миг, отвернувшись на входивший в город караван. Спустя мгновение чернокудрый мужчина повернулся к юноше.– Пойдем мальчик. День еще не завершен. Аллах еще не велел нам отдыхать! Вскоре завиднелись и потянулись цепочкой торговые и ремесленные ряды Аталыка. Какие только звуки не неслись отсюда. Шипели поковки в кузнях, пели свою песню гончарные круги, звонко стучали инструменты чеканщиков, летели искры из под умелых рук точильщиков. Магир, чуть прищурившись, огляделся и сделал знак своему юному спутнику, указывая на мастерскую чеканщика – Пойдем.! Высокий старик, с руками, шелушащимися от металлов и настоев, обрадованно, всплеснул ладонями, увидев вошедших – Аллах велик! Магир! Каким добрым ветром?! Давно не бывал, ты, в мастерской старого Бахрама!. Человек дороги улыбнулся – Много дорог на свете! Много ветров веют и много мыслей у Аллаха! Бахрам, не против, ты, если не много я помогу тебе в ремесле твоём?!. Старик расхохотался – Ах, Магир! Не властно время над тобой! Я стал слаб глазами и чекан не так верен в руке моей! А, ты, можешь делать то, что исторгает из души восторг, даже у самого невежественного! Человек дороги кивнул – Нет бога кроме Аллаха! Дай мне инструмент и материал! А этот паренек будет сегодня моим

подмастерьем! А, ты, отдохни, устод! Славную кюфту готовят за стеной повара, пообедай, выпей кумыса! Когда за Бахрамом закрылась дверь, Магир кивнул пареньку – За дело, Мурад!. Затаив дыхание, мальчик смотрел, как под точными, сильными, ударами молоточков и неуловимыми движениями тонких сверл и чеканов, под руками Магира, возникает на темном металле кувшинов, кумганов, сперва непонятные черточки, а затем узоры, сплетающиеся в потрясающую, переливающуюся вязь. Время от времени, Магир, не поднимая головы, командовал – Настой, чекан!! Подержи вот этот край. Остолбеневший Бахрам, пришедший через три часа, только разводил руками, глядя на гору покрытой невиданной чеканкой посуды – Велик Аллах! Магир, ты, сработал за трех мастеров! Вай мэ! Да такого узора не сделать ни в Сурате, ни в Герате, ни в Кундузе! Такую посуду не стыд подавать и на стол халифа! Что это за узор?! Магир вдруг стиснул в ладони чекан и сипло сказал – Я видел такой узор..Видел.. его делают мастера.. в Казвине.! Бахрам покрутил головой – Сколько стоит твоя работа, устод?! Якши устод! Чок якши!! Великий устод! Чернокудрый умелец устало вдруг кивнул, словно какой то огенок погас в нем.– Продашь их! А купят их очень быстро! Тогда.. тогда.. возьми себе все деньги. У тебя ведь три дочери. Им приданное нужно. А сына, ты, хотел женить. Вот и купи невестке подарок..А еще.. закажи молитву за упокой Латифа – чеканщика, славного Латифа- бухарца!. Мурад просительно глянул в обветренное лицо своего наставника – Учитель, устод! Объясни мне, Аллаха ради! Ты, словно хочешь мне показать что то! Чему то научить, но не объясняешь ничего! Лишь делаешь! Словно пытаешься работой гнать какие то черные думы! Магир попытался улыбнуться – У тебя хорошая душа, мальчик и будут не плохие руки. Твой отец желает, что бы, ты, попал туда где живут те, кто сполна познал вкус власти. Что бы ты, тоже был сыт, одет и не знал тревоги за день завтрашний! Паренек кивнул – Да. Отец говорит, что это самый сладкий запах на свете, запах власти. Почтенный устод, ведь ты можешь все. Ты, можешь сказать слово свое тем у кого власть эта. И тебя услышат! Ты можешь многому научить! Тяжелая ладонь Магира легла ему на плечо – Запах власти говоришь, мальчик? Ты хочешь ощутить его, да! Глаза ученика блеснули – Конечно же! Конечно хочу, и клянусь Аллахом, я готов на все для этого! Ты, мне поможешь, устод? Устод кивнул – Ну, что же, мальчик! Ман джадда, ваджада! Кто искал тот нашел! Завтра утром я буду ждать тебя у конского базара! Рано утром! И ты сумеешь, я, надеюсь ощутить запах власти и вкус ее! А сейчас беги домой! На мгновение человек дороги задержал ладонь паренька – А вот тебе три серебряных дирхема. Ты их честно заработал сегодня. Отнеси домой! Уже прокричал муэдзин, призывая правоверных на молитву. Солнце вставало над Атальком, когда Магир, спокойно, смотревший на просыпающийся мир своими узкими, черными, глазами, заметил несущегося бегом Мурада. Глаза паренька сверкали нетерпением, радостью, ожиданием чуда! Еще издалека, он, радостно закричал – Устод! Ты, сдержишь свое слово?! Ты, сможешь дать мне радость? Дать возможность ощутить запах и вкус власти?! – У мужчины одно слово, бача! Внезапно, рев труб, громкие голоса и странное звяканье прервали разговор. В дальнем конце улицы поднялась пыль. Скоро, она, рассеялась и стала видна вереница людей, скованных цепями, медленно бредущих, под хлопанье бичей и клики стражей. Когда процессия приблизилась, Мурад инстинктивно прижался к Магиру, глядя, с помертвевшим лицом, на закованных в цепи. Их вид мог гоорить о том, что это выходцы с того света. С мертвенно – бледными лицами, покрытые рубцами, ссадинами, язвами, люди, медленно брели в сторону базара, подталкиваемые древками копий. От них шло чудовищное зловоние. Магир положил тяжелую руку на чалму Мурада – Смотри на них, мальчик. Они идут судной дорогой. Сейчас их будут казнить на помосте, у площади. Видишь как они смотрят. Они хотят наглядеться на этот грешный мир. Набрать в грудь воздуха. И молят Аллаха, что бы умереть быстро! Когда толпа обреченных скрылась за углом, Мурад повернул голову к наставнику – Устод, Магир – устод! Пойдем за ними. Я.. я хочу видеть. Магир прищурился и его глаза недобро сверкнули- Ты хочешь видеть как умирают люди.?

Хорошо же пойдём. А на площади уже собиралась толпа, гудя, предвкушая зрелище. Уже шныряли водоносы, и продавцы сладостей, обычные гости перед смертными помостами. Палачи, деловито, готовили инструменты, кто то перебрасывался шуточками, где то уже бились об заклад, сколько продержатся на коже казней преступники. Магир указал подбородком на толпу – Смотри, мальчик! Эти люди рады насладиться зрелищем казни. Не потому, что у них нет сердца, а потому, что казнят сегодня не их. Ведь ни кто не волен знать, не встретит ли он свою смерть здесь, милостью Аллаха! С обречённых снимали оковы и колодки. Стражи, подталкивали древками, первых из тех кому суждено испить было чашу смерти. Магир, не заметно, ткнул локтем мальчика – Теперь посмотри на палачей. Это те кто получил власть над жизнями казнимых. Они спокойно сейчас будут делать то что приказали им, имеющие власть. Первого из приговорённых опустили на колени. Он зашевелил губами, творя молитву. Сверкнул кривой нож и медленно покатила на помост голова. Толпа радостно загудела. Чернокудрый наставник почувствовал как пальцы Мурада впились в его ладонь. Время тягуче двигалось над Аталыком. Корзина палача была уже полна голов и тёплый, сладковатый, запах повис в воздухе. Тучами слетались мухи. Человек дороги обнял мальчика за плечи – А теперь пойдём. Самое страшное впереди, сейчас будут резать кожу с живых. Не стоит глядеть на это тебе, мальчик. словно лишившись воли, слепо повинаясь, Мурад двинулся вслед за Магиром. Когда почти миновали место казней, устод остановился и приказал – А теперь, посмотри сюда, мальчик мой, смотри и запоминай на всю жизнь. Он указал на кучку женщин стоявших отдельно и пояснил – Это жены. Жены тех, кого казнили. Милостивый эмир Арбиль разрешил им видеть казнь мужей и забрать тела, заплтив палачу. Внезапно словно бесплотная тень отделилась от толпы и одна из женщин, глядя на мир слепыми от горя глазами, подошла к Магиру. Мурад увидел как исказилось лицо наставника. А женщина заговорила – Магир. Это ты? Ты, ведь знал моего мужа. Его звали Ороз – палван. Он был первый силач в Аталыке. Он был добр ко всем. Никто не мог победить его в борьбе. Ты, сам смотрел и восхищался его умением, добротой. Он так любил детей. Его казнили.. да?! Он, случайно не рассчитал силу, сломал шею сопернику..Магир, ты, же знал его..Ты, жив, а вот его нет... Магир, скажи, его больше нет, да? Далеко позади остался шум базарной площади, запах висящий в воздухе, словно на бойне. Магир и обморочно вцепившийся в его руку, Мурад, остановились. Лицо парня стало мертвенно белым и, он, начал крениться, норовя упасть. Он пришел в себя потому, что жесткая длань человека дороги приподняла его за шиворот и встряхнула. Мертвым и спокойным было лицо Магира, но сух и безжалостен был его голос- Ты, понял меня, мальчик?! Ты, ощутил чем пахнет власть? Она пахнуть кровью будет всегда! И те кто служит ей тоже! Мурад встряхнулся и с какой то не внятной искрой в глазах снизу вверх глянул на Магира – Устод, устод Магир! Я видел клинок в дланях твоих! Так владеет им тот, кто умеет разить на смерть! Ведь, ты, же сам убивал врагов своих! Лил кровь! Ведь отец говорил про тебя, что ты.. человек допроги.. самый лучший в мире подлунном! И в тебе такая жалость о тех, кто умирает?! Объясни же мне устод мой! Магир выдохнул -Да мальчик. Это так. Я выбрал свою судьбу, горячее сердце и бедность, вытолкнули меня из дома матери моей. Но не палач я. Не марал я рук своих кровью безоружных! Я иду тропой судьбы своей, и Аллах лишь знает, сколь долгой будет она. Мурад хотел что спросить, но глянув в глаза Магира, словно задернутые дымкой тумана, сдержал язык! Внезапно Магир произнес – Ну, что же, Мурад. Твой отец просил за будущее твоё и жизнь твою! Он любит тебя! Выбор за тобой, мальчик! Наступил пол-день следующего дня. У мастерской Хакима – оружейника, с утра толпилась свора зевак. Молва уже разнесла весть, что прославленный оружейник Хаким посрамлен и победитель вправе требовать плату. Хаким, бледный, но держащийся с достоинством, стоял на пороге. Завидев Магира с Мурадом, он, сложил руки на груди в знак приветствия и заговорил с болью – Иль Алла, иль бисматулла! Лик судьбы отвернулся от меня! Ты, победил! Теперь, ты скажешь слово свое! Мастерская, кузня! Все что есть у меня. Ты, вправе требовать! Я начинал жизнь

простым кузнецом и видно им закончу, но не скажет никто, что Хаким испугался судьбы! Толпа, еще вчера благоговевшая перед дамасским мастером, начала смеяться.– Все, Хакиму теперь в дервиши идти!, Хаким теперь кузнец, его теперь сам Азраил напугается! Магир положил ладонь на плечо Хакима и тихо сказал – Я беру заклад! Ты, проиграл, победил я! Так судил Аллах! Старый оружейник сник – Я знаю! Говори! Я готов! Толпа заревела и заурчала, предвкушая потеху..Многие придвинулись к Магиру, рассчитывая польстить богатому победителю и поесть за его счет, а может и тайком выпить!.Магир чуть повел кудрявой головой – Когда уходишь с караваном, ты, почтенный Хаким?! Старик безразлично пожал плечами – Дня через два-три. Да какой в этом смысл? Миср, Багдад, Хлат?..Какая разница теперь? Человек дороги вдруг застенчиво улыбнулся, да так по детски заразительно, что толпа вокруг, тоже рассмеялась сама не зная чему. И заговорил Магир – Аллах свидетель! Грехом было бы разорить такого мастера. Мой заклад... Он замолчал. Зрители затаила дыхание. Хаким едва выдохнул от волнения – Да говори же, говори! И звонко произнес Магир – Вот этот паренек, Мурад именем. Ты возьмешь его с собой! Ты сделаешь из него лучшего оружейника! Самого лучшего мастера! Поклянись пятой пророка и стопой Муавии!! Толпа зевая онемела. Хаким едва смог выдохнуть – Место ему в сердце моем! Он, будет мне сыном, клянусь Аллахом! И это весь заклад?! Магир рассмеялся – А чего же еще?! Коран и говорит, «милость к тем кто слабее! Внезапно, старый оружейник судорожно глотая воздух подошел к Магиру – Магир! Клянусь! Открой тайну закалки! Небо свидетель! Унесу в могилу! Воин тот приходил! Готов все отдать за тот клинок! Все отдам, устод! Тайну клинков! Открой! Магир кивнул – Да будет так. Подставь ухо, славный Хаким! Толпа, выпучив глаза наострила слух. Старый оружейник окосел, глядя на мир и ошарашенно спросил – И все?!!!!! Вся тайна закалки?!!! Ветер и ледяная вода?!!!!! Человек дороги кивнул – Да..А теперь подойди, мальчик. Прощай Мурад и запомни... Лучший учитель это жизнь. А судный день, когда, ты, будешь убивать и захотят убить тебя. Упаси Аллах от встречи с ним! Караван медленно шел, по дороге ведущей из Аталыка. Мурад, ехавший на вороном жеребце, последний раз обернулся. Магир стоял у ворот города и смотрел вслед уходящим. И почему то запершило в горле сына караванщика. Таким маленьким показался ему человек дороги на бесконечном ковре земли. Одиноким и беззащитно трогательным. И что то екнуло в сердце паренька. Кто был ему этот не долгий устод? Человек, в котором сплелись воедино детская беззащитность, доброе сердце, смертельная опасность и таланты великого мастера? Что бы не выдать своих чувств, Мурад пришпорил коня.. Магир не спеша брел по Аталыку. Уже смеркалось. Он помнил присказку, что при расставании две трети горя берет тот кто остается. И пусто было у него на душе. Уже зажигали огни, тянуло разными вкусными запахами из домов, где готовили вечернюю трапезу. Человек дороги направил свои стопы к караван сараю. Здесь было можно переночевать, поесть то, что послал Аллах, и при желании насладиться дурманящими зельями, танцами и музыкой. Караван сарай встретил его гулом голосов, ароматами еды, сопением тех, кто уже уснул, устав после дня, наполненного хлопотами, посланными Аллахом, голосами игроков в кости. Магир присел на кошму и заказал не хитрый ужин хозяину. Чего еще было желать ему, бродяге без роду и племени, привыкшему расставаться с недолгим кровом и снова идти тропами судьбы своей.? Он, не торопясь ужинал, вспоминая минувшие дни, которые были не легкими даже для него. Рядом с ним, ели, ругались, мирились, спорили люди. Но кто были они ему? Случайные сотоварищи по ночлегу, по позднему ужину в убогом караван сарае? Внезапно, он, почувствовал на себе чей то взгляд и поднял голову. Низенький, плотный, старик в дорожной одежде, видимо, караван- баши, дружески улыбнулся ему – Почтенный, разреши занять место с тобой рядом и если хочешь, разделить трапезу, ибо Аллах сказал, что даже сухая лепешка слаще, если поделить ее с попутчиком. Магир прижал ладонь к сердцу – Истина в словах твоих, почтенный! Присаживайся!. Караванщик улыбнулся и поставив свою посуду на кошму, опустил рядом, предлагая человеку дороги разделить с ним ужин. Магир в ответ

пододвинул ему свое блюдо. В течении некоторого времени сотрапезники молча поглощали пищу, дарованную Аллахом. Порой они бросали друг на друга взгляды и вежливо кивая занимались едой дальше. Магир чувствовал, что этот старик подсел к нему далеко не случайно и был готов к любой ухмылке судьбы, локтем ощущая за поясом рукоять верного ножа-печака. Когда с трапезой было покончено и омыв руки и возблагодарив Аллаха, оба едока прилегли на кошму, сыто отдуваясь, старик -караванщик заговорил – Велик Аллах милости своей! Все удовольствия может даровать, он, правоверному! Кров, очаг, жену, кусок мяса и лепешку! Магир сдержанно кивнул – Истина в словах твоих почтенный! Не так уж много и надо человеку. Старик широко улыбнулся – Разум и душу даровал тебе Аллах, почтенный. Ты, видишь красоту мира, умеешь наслаждаться им! Человек дороги кивнул, но если бы он был волком, что то приподняло бы у него, шерсть на загривке. Что то тихо сказало в душе – Будь внимателен, Магир! Сотрапезник словно стер с лица улыбку и заговорил твердо и жестко – Ну, а теперь послушай меня, Магир – человек дороги. Послушай меня и не сетуй потом на судьбу, жалея, что не услышал. Магир лениво потянулся, словно большой, хищный зверь, но его левая рука скользнула к поясу. Движение было почти не заметным, но старик уловил его и чуть приподнял палец – Не стоит, человек дороги. Я хочу поговорить. Я не желаю зла тебе. Черные кудри Магира взметнулись, он, встряхнул головой, и медленно спросил – Так что за дело у тебя почтеннейший и кто ты? Караванщик чуть развел ладони – Меня зовут Ашир, караван – баши Ашир. По воле Аллаха я измеряю ковер земли, бываю везде, много вижу и много знаю. Много славных городов есть на свете. Осенью, например, судьба занесла меня в чудный Кашгар, что у самой кромки великих снегов и бескрайних степей..Да..Много народу стеклось в Кашгар по осени, товар купить, коней сторговать, много бродяг без рода и племени! Магир повел плечами – Аллах велик, много встреч дарует людям., многих носит ветер странствий! Старик кивнул – Это так. Но, вот этот ветер занес в Кашгар людей дороги, волков, чья жизнь не стоит дорого. И был среди них молодой дервиш. Он и еще один, сумели сбежать прямо из под ножей палачей и сабель стражи Внутри у Магира повеяло холодом, но он по прежнему застенчиво улыбнулся – Хвала им! Крепкие руки и сердца даровал им Аллах! Но что нужно то от меня почтенный? От вольного дарваза, Магира? Караванщик не спеша перебрал четки – Вот именно. Крепкое сердце и рука. Вольный дарваз говоришь? Я случайно увидел тебя. Ведь это у меня покупал железо старый Хаким. Я не поверил глазам своим. Но когда я увидел как, ты, куешь клинок и, ты, снял одежду, я увидел шрам. Вот тут. Я вспомнил, что вернувшиеся стражи говорили, что дервишу распорол плечо копьем. А когда я узрел твой поединок с Ибрагимом, лучшим воином из моей охраны... Внезапно старик прервал свою речь и разразился взрывом хохота – Ты оставил без штанов лучшего из вонов. Из всех кого видел я. А видел я много! Внезапно, он стал серьезным- Так вот, Магир. Я давно присматриваю такого как ты. Мне нужен именно такой человек. Тот, кто давно сроднился со смертью и не побоится ничего. Тот сможет и караван охранять и опасность заметит! Тот, кто будет надежнее пса цепного! Я хочу предложить тебе. Пойдем со мной! Пройдет время и, ты, сам станешь караван-баши. Если Аллах даст тебе долгую жизнь, то после меня все, что накоплено мной, станет твоим, а? Ведь я бездетен. Соглашайся, человек дороги! Караван уходит на рассвете! Магир кивнул – Лестное предложение. Охранять тебя и твои товары изавершить дни свои в удовольствиях и неге! Купец кивнул – Именно так! Ты мудр, человек дороги. Ну, подумай сам. Кто ты?. Бродяга, без рода и племени. Подобные тебе гибнут на смертных помостах и в комнатах стонов, даже не отведав вкуса жизни. Аллах даровал жизнь. Но велико ли удовольствие прожить ее волком?! Я знаю, что Арбиль и старый везирь, Дахир, ценят людей пока есть в них нужда. Ты же, можешь дни окончить очень скоро, под ножами палачей, на виселице. И ради чего, скажи на милость Аллаха? Собеседник Ашира пожал плечами- Ты сам знаешь отлично. Я не слишком ценю жизнь свою. Чем отличается жизнь волка от судьбы сторожевого пса? Спасибо почтенный, но я останусь Магиром. Видит Аллах я умру тем кто я есть! Караванщик

хмыкнул – Аллах даровал тебе храброе сердце, но поскупился на разум, Магир. Ты, плохо окончишь дни свои и вспомнишь меня! Магир чуть сощурился – Много истины в словах твоих, почтенный, а не боишься ли, ты, так дерзать, изрекая их в самом сердце Аталыка.? Ведь и стены имеют уши, а камни глаза. Ашир кивнул головой – Нет, не боюсь. Ты, не побежишь сейчас к Дахиру с такой важной вестью. Утром караван уйдет..Ты хочешь сказать, что когда выйдет караван из города, от нас отвернется Аллах? Так вот, вблизи города, на виду у всех, воины Арбиля напасть не посмеют, не так безумен ваш эмир. Да и охрана моя состоит из лучших воинов. А в дне пути, за перевалом, нас ожидает отряд кашгарских воинов!! И мне, Магир кроме многих забот, возложенных Аллахом на спину мою, важен был ты! Клянусь Аллахом, я предлагаю последний раз. Пойдем со мною! Разве не слышишь, ты, как новые дороги зовут тебя? Больная улыбка коснулась губ Магира – Нет, почтенный Ашир. У мужчины одно слово! Прощай, да будет с тобой милость Аллаха! Старик сокрушенно качнул головой – Магир, ты, еще юнец против моих лет, а уже серебро в твоей голове! Ты не раз вспомнишь меня и проклинать будешь день, когда отринул от сердца своего мои слова! Прощай, человек дороги! С этими словами, он, поднялся и скрылся за пологом, заменяющим дверь. Магир увидел, что в предрассветном сумраке, навстречу караван-баши двинулись две тени, видимо воины охраны. И смутная тоска, словно утренний туман на землю, опустилась на его бесстрашное сердце... Аталык еще только лишь просыпался. Лениво зевая, менялись стражи у крепостных ворот, надсмотрщики – мухтасибы начинали обходить улицы и караван сараи, стремясь узнать, были ли происшествия этой ночью. Старый Дахир проснулся задолго до появления солнечных бликов. Он сидел в своем скромно убранном покое и то перебирал четки из палисандра, то бесцельно перекладывал свои книги, собранные им за долгие годы. Никто не должен был знать или догадываться, что происходит в душе этого лукавого старца, с каменным сердцем и давно поросшей мхом душой. Да и самому себе, Дахир страшился это сказать. А самое страшное, для Дахира, заключалось в том, что страх и тревога начали заползать в сердце его. Он начал уставать, этот, познавший всю изнанку жизни, старик. Уставать от вида пыток, крови казней. От бесконечных интриг, которыми наслаждался ранее. Порой, по ночам, в кошмарных видениях, приходили тени прошлого, то безликие, безглазые, то принимавшие очертания тех, кто ушел в царство теней его стараниями и молитвами. То, он, видал своих покойных братьев, тайну смерти которых знал один, то бесконечной чередой шли люди дороги, сгинувшие на кожах казни, пропавшие без вестно. Кто полз, волоча переломанные на пытках ноги, кто слепо двигался, без кожи, содранной умелыми палачами, кто дышал холодом могилы, маня за собой старого Дахира. И сегодня ночью демоны прошлого опять помutilи сон и спокойствие старика. В силу этого, сотворив, рано утром, молитву старик Дахир и сидел в своем покое. Пришедшие к нему с утра надсмотрщики- мухтасибы уже известили о том, что ночь в Аталыке прошла спокойно. Дворцовый смотритель – чауш, кланяясь, и избегая смотреть в глаза, подобострастно рассказал, о том, что трапеза утренняя скоро будет на столе. Внезапно отдернулся полог и вошедший начальник дворцовой стражи, седой, плечистый кашкаец, низко, кланяясь произнес хриплым басом – Прости, о почтеннейший везир, милостью Аллаха я прошу прощения за то что осмелился побеспокоить, но..Старик с каменным лицом едва бросил на него взгляд – Чего ради, ты тревожишь в столь ранний час слух мой?! Воин хрипло пробасил – Богатый караван-баши, из Кашгара, Ашир ибн Муслим, желает усладить слух твой беседой, с глазу на глаз. И хочет, он, дабы, ты, свое благосклонное внимание и время драгоценнейшее, уделил ему! Дахир почти незаметно перебрал четки – Караван-баши? Из Кашгара, Ашир?! В столь ранний час? Бог в доме, гость в доме!! Скажи, что бы трапезу подавали не медля и проси его осчастливить мой бедный кров лицецерением его и речами его. Вошедший в покой Дахира, старик, в одежде караван-баши, поклонился по обычаю, поприветствовал хозяина и присел, увидев приветственный жест старого царедворца. Дахир широко улыбнулся – Гость в доме, бог в доме! Раздели со мной трапезу, почтеннейший!

Ибо, Аллах велел делить с гостем даже ломоть черствой лепешки и глоток воды из родника! Гость ответил благодарственным жестом и сотрапезники приступили к еде. Когда достархан был убран, Дахир обернул руки, так же как и гость, совершил омовение лица и спросил – Что привело тебя в столь ранний час, почтенный? В порядке ли караван твой, не нанес ли кто обиды почтенным гостям?! Караванщик, не спеша, уселся поудобнее и медленно улыбаясь, ответил- Все в порядке, почтенный хозяин. Сыты кони наши, с успехом проданы товары, привезенные из Кашгара, Аллах свидетель. Нет обиды в сердцах наших. А привело меня к тебе одно обстоятельство, что камнем лежит на сердце моем и не дает покоя душе моей! Дахир, сокрушенно, цокнул языком – Слух мой устам твоим, почтенный! Клянусь Аллахом, я, готов разрешить сомнения души твоей и сердца твоего! Что за печаль в сердце твоём?! Гость улыбнулся и с каким то, глубоко затаенным чувством произнес – Сердце мое жаждало лицезреть тебя, о почтенный Дахир. Ибо известность твоя, и слух о тебе, коснулись слуха правоверных в разных землях! Чуть польщенный, царедворец, улыбнулся – Аллах свидетель, но недостойн я такой славы и почитания! Что же возжелало сердце твое, почтенный?! Караван баши развел руками – А жаждал я лицезреть тебя, о почтенный визир, эмира Арбиля, по той причине, что не рождался еще в мире правоверных, негодяй, подобный тебе, такое порождение гиены и шайтана! Такой человек, в ком сплетались бы в столь гнусном сожительстве подлость и низость души! Дахир окаменел от неожиданности. Сперва, он, решил, что неожиданный гость внезапно лишился рассудка и осмеливается говорить дерзости в лицо хозяину. Но глаза караван баши сверкали ненавистью и откровенным презрением. С трудом сдержавшись, визир улыбнулся – Что слышу я, почтенный караванщик..?! Ты, осмелился оскорбить хозяина дома, с которым преломил хлеб? Да знаешь ли, ты, что за подобную дерзость.. Гость перебил его весьма не почтительно -Знаю, но не страшусь! Ты, можешь сейчас отдать приказ и меня отправят в руки стражей, а затем палачей?! Мои воины получили приказ, если я не выйду отсюда через три четверти часа, брать дворец штурмом. Они готовы к бою в любой миг! А твои стражи еще потягиваются, сбрасывая остатки сна.! Ты, отдашь приказ перехватить караван по дороге, но меня уже ждут извещенные воины! Дахир, в бессильной злобе стиснул четки. Ах проклятый караван – баши! Он предусмотрел все. Старик стиснул зубы – Так кто ты? Что привело тебя в дом мой? Как, ты, осмелился переступить порог этот, ты, столь люто ненавидящий хозяев? Что нужно тебе?! Ашир чуть скривил губы – Я, караван -баши, из рода в род! Но, сам эмир Кашгара преклоняет слух свой к устам моим! Совсем не давно, волки, которых рассылаете, вы, люди дороги, пытались учинить смуту и резню в Кашгаре! Но Аллах покарал их! Затем, вы, пытались стравить братьев – эмира Кашгара и эмира Коялыка, зная, что шайтан давно посеял между ними рознь! Мой господин, эмир Кашгара, великий Махмуд ибн Юсуф, велел передать тебе, что лишь почувствует ваше дыхание в славном Кашгаре, то глотка ваша ощутит как стиснет ее наша длань! От ярости, каменное лицо Дахира посинело и стало смахивать на маску смерти. Старый хитрец, лишь в бессильной ярости глотал воздух пересохшим ртом. А свирепый гость безжалостно продолжал – Я знаю, что владыки ненавидят друг друга! И может быть не взялся я говорить, столь дерзновенные слова хозяину дома, с которым разделил трапезу! Но два сына моих погибли! Погибли в Узун – харе. Два года назад, и смерть они приняли от руки подлых убийц, посланных тобой и твоим господином эмиром Арбилем ибн Тобчи! И еще, послушай на прощание! Вы, с твоим эмиром сеете рознь, смуту, семена шайтана, щедро разбрасываете по земле! Придет время и яд ваш отравит вас самих. Вы, захлебнетесь им, перережете глотки друг другу! Я стар и могу не увидеть этого, но Аллах видит все! Прощай же, почтенный хозяин, достойный, выкормыш иблиса! С этими словами, гость стремительно, не по стариковски, встал и едва заметно склонив голову, покинул покои страшного старца, окаменевшего от ненависти и неожиданности. От бешенства у Дахира потемнело в глазах!! С хриплым рычанием, он, метнулся на двор, готовый отдать немедленный приказ воинам и остановился, словно споткнувшись. Проклятый Ашир не солгал. Воины,

охранявшие караван, словно почетная свита, окружили дворец и были внешне беспечны, но Дахир заметил, что ладони их лежат на рукоятях сабель и древках копий, а лучники готовы вырвать стрелы из колчанов любой миг..И уже сидя в седле, обернулся Ашир и встретились глаза. Его и Дахира. И прощально крикнул караванщик – Помни слова мои! Придет день и пробьет час твой, почтенный хозяин! Дахир повернулся и ссутулившись, медленно, вернулся во дворец. Но не успел он дойти до своих покоев как его нагнал дворцовый мухтасиб – Почтенный! Великий эмир Арбиль требует тебя к себе и не медля! И тихо прибавил, оглянувшись – Давно такая ярость не посещала сердце повелителя! Арбиль едва взглянул на своего старого слугу и поигрывая рукоятью кинжала, указал ему на стол – Мой верный, Дахир! Слуга только что ушедшего с караваном купца передал мне вот это! Сказав, что этот дар ему велел вручить эмир Коялыка! Вручить мне! Подойди же и оцени его! Дахир подошел к столу и остолбенел. К письму коялыкского эмира была прицеплена тонкая петля, сплетенная из серебрянной крученной нитки. А само письмо было кратким «Аллах свидетель, именно такой дар заслуживаешь ты, почтенный эмир Арбиль, сын Тобчи-хана, славный отпрыск племени чигилей! И уже не сдерживаясь, Арбиль рывкнул – Что стоят все твои интриги?! Все пролитые реки крови, старый Дахир?! Мой старый слуга, не выжил ли, ты, из ума так надежно охраняя меня, что враги осмеливаются на подобную дерзость? Кровь отлила от лица Дахира и он почувствовал пустоту в груди. Повисло страшное молчание. Наконец старик заговорил – О мой повелитель! Пусть сердце твое преисполнится благодати и иссякнет злоба в нем! Не кончается подлунный мир отрогами Кашгара! А, вот весть о дерзости владыки Коялыка полетит быстро! Надо утратить дерзких и показать, что еще крепко держит рука наша клинок и оседланы кони наши.! Эмир сумрачно кивнул – Говори старик, но знай... же. Если снова перейдет нам шайтан дорогу, то петлю уже вручат тебе, мои мухтасибы и сами примерят, к лицу ли тебе подарок! Дахир оскалил в улыбке желтоватые зубы – К западу, за перевалами..Хамадан..Там давно нет твердой власти. Эмиры бьются друг с другом. А город – в сердце троп караванных! День улыбался миру, когда Магир выехал из Аталыка на своем коне. Как прекрасны были предгорья, как расцвела весна равнину.!!!! Человек дороги бешено погонял коня. Внезапно, он, остановился и принюхался. Как же напомнил этот запах ему детство, так давно ушедшую жизнь!! Магир внезапно упал в молодую, сильно, пахнущую траву. Давно уже ветер странствий, годы и невзгоды, выжгли и высушили в сердце его слезы. А теперь, он, молча катался по траве и почему то влажным было его лицо..Были ли это слезы или влага от недавно прошедшего весеннего ливня? Кто скажет об этом?

Глава 2

Пламя Хамадана

Людское половодье наполняло город. Под копытами вьючных животных топотом ног, звенела плотно убитая земля. Казалось все краски, все цвета, с пестрого покрова земли сплелись здесь в один единый, бурлящий, звенящий клубок. Цветная радуга ковров и тканей на прилавка, веселая рябь фруктов щедрой земли, блеск медной посуды и оружия – все сливалось в один чудный, радующий глаза свет веселой, шумной столицы..Оживились даже нищие и калеки, просившие подаяния милостью Аллаха у городских стен и у рыночной площади..Высокий, молодой, нищий, с блестящими, черными глазами, закутанный в дорожное тряпье, звонко пел какую то чужеземную мелодию, поджав под себя ноги и просительно улыбаясь прохожим. Время от времени в его выдолбленную из тыквы чашу летели то медные гирифи, то куруши из потускневшего стертого серебра.. Казалось, он, был полностью поглощен своей мелодией, и не замечал ничего вокруг, время от времени благодарно прижимая ладонь к сердцу. Внезапно чей то звонкий голос оторвал его от привычных занятий – Ой, апа, погляди на этого нищего..Послушай как он играет!

Магир повернул голову..В упор на него глядели лукавые девичьи глаза, обладательница которых была закутанна в темную накидку. Стоявшая рядом с ней, пожилая женщина, держащая в руках увесистый хурджин с тканями, лишь пренебрежительно махнула рукой – Пойдем отсюда, Алима..Мало ли попрошаек стекается в столицу..? Они зарабатывают именем Аллаха на хлеб. А этот, судя по всему, загнан в город бедой..Видишь, как он еще молод

На мгновение лукаво блеснули девичьи глаза и золотая монета, чеканки далекого Мисра, звякнув упала в чашу..

Нищий благодарственно поднял глаза к небу, а когда опустил голову, две женские фигуры уже смешались с толпой..Он проводил их улыбкой, и снова взялся за свою дудку, выводя не замысловатый мотив..

Уже месяц, он, был в шумном, веселом Хамадане, заброшенный сюда лукавой судьбой и приказом старого Дахира.

Наступили сумерки..Нищие, дервиши, бродяги, стекались на ночлег, обмениваясь услышанными новостями, хвастаясь добычей, ругаясь на немилость судьбы. Многие искали соседства с Магиром, которого любили за веселый, застенчивый нрав, чудесную игру и звонкий голос. Устроившийся рядом с ним у костра, седой бродяга Зафар, вдруг оживился – Послушай – ка, Кара-Хожа. Я сегодня видел как зеленоглазая девчонка Алима бросила тебе золотую монету.. Видно, ты, ей глянулся. Обычно она, и ее мать Зейнаб, не жалуют нас, спутников ветра. И мгновенно сладкая дремота, уже начавшая одолевать Магира, улетела прочь, словно испуганный мотылек. Он приподнял голову и потянувшись всем телом, лениво спросил – Ты знаешь ее? Откуда? По моему ты не вхож в дом, хозяева которого раздают нищим золото?! В ответ раздался хохот собрата по ремеслу – Я не знаю?! Да, мы, с ее отцом снаряжали вместе караваны, возили товары, аж до самого Халеба и Кашгара!! Он погиб от заразы, а наши товары сожгла стража, боясь мора..Я вернулся домой, голый, словно в момент рождения!! И остался голым!

Внезапно Зафар отвернулся и плечи его мелко затряслись..Наступила ночь, город заснул, беспечно храпели рядом, нищие, бродяги, днрвиши, дарвазы. Лишь Магир, застенчиво улыбаясь свои мыслям, почему то вспоминал звонкий голос и блеск зеленых глаз. Наступило утро. Яркие лучи его снова оживили людское море..Забурлил. загомонил базар, толпы народа вновь занялись привычными своими делами. Черноглазый человек дороги, привычно наигрывал что то, тупо уставясь в свою чашу для подаяния..Внешне, он, был безмятежен, но все в душе его

клокотало словно вода на горном перекате. Сегодня человек, посланный Дахиром, должен был передать ему монету и приказ, а еще... что то заронили в его усталую душу веселые зеленые глаза и девичий смех. Какое то непонятное зерно. Наступил полдень..Солнце уже стояло над головой, когда высокий человек в, расшитом, золотом, халате, подошел к Магиру и буркнув – Велик Аллах и милость его бездонна! протянул ему монету, и склонившись, еле слышно шепнул на ухо – Узнать когда меняется стража и когда из города уходят отряды союзных кочевников.

Магир бесстрастно кивнул едва заметно. Шло время, уже дневной зной, разогнал по тенистым закоулкам и старым каменным развалинам бродяг, а, он, все сидел недвижимо, словно ждал чего то.. Солнце уже медленно завершало свой круг когда тонкая девичья фигура показалась в этом забытом богом углу, отвеленном нищим..Алима, легко опустилась на корточки рядом с Магиром и лукаво улыбнувшись попросила – Кара-Хожа. Ведь так зовут тебя? Сыграй. Ты, так чудесно играешь. А я заплачу тебе. И словно какая то мягкая лапа сжала тоскующую душу волка – одиночки. Словно трель горного ручейка зазвенела мелодия. И по детски раскрыв изумленные глаза слушала дева. Наконец, когда последний звук растворился в раскаленном воздухе, она сунула монету в ладонь Магира и решительно сказала – Идем со мною. Магир сдержал изумление, бесстрастно глядя ей в лицо. Он неторопливо собирал свой нищенский скарб, под изумленными и удивленными взглядами. А наблюдавшая за ним дева, неторопливо, поясняла – Сегодня ровно пять весен как не стало отца. Согласно вере и обычаю рода нашего. В этот день нужно накормить нищего и раздать 5 из них, милостыню. А ты, так чудно играешь, у тебя нет таких страшных язв как у других, ты, не смотришь как Зафар, готовый разорвать в клочья..И.я упросила апу, что бы гостем в доме стал, ты, Кара-Хожа. Идем же скорее! Как ни был закален превратностями судьбы человек дороги, но и, он, с трудом сдерживал улыбку, слушая это беззаботное щебетание.

Старая Зейнаб, вдова купца, накрывала досторхан, время от времени поглядывая на черноглазого гостя, смывавшего на дворе грязь и пыль. Магир наслаждался вечером, чудесной едой, давно не испытанным ощущением покоя и тепла чужого очага..Того, чего по воле судьбы лишен он был, того что даже перестало сниться ему..После трапезы он медленно взял в руки руд и чудеснейшая мелодия, словно напоенная ароматом фруктов, звенящая, словно детский смех, разлилась под сводами старого дома. Уже высыпали на небе звезды, когда прочитав короткую молитву напутствия, хозяйка закрыла за ним дверь на улицу. И тихо улыбаясь своим мыслям, он, шел обратно, туда где суждено было ему ночевать. Вот наконец коновязь, здесь ярко горели походные горны, слышался перезвон молотков и позвякивание оттачиваемых клинков. «Кочевники куют коней, так, значит через 3 – 4 Луны, они, уходят в Коялык, а вот меняется стража у стен у арка.»

И тоска, чудовищная тоска, стиснула его горло..Здесь в этом веселом шумном городе живут люди, давшие ему тепло очага, безродному бродяге, здесь, словно ребенок смеется и радуется жизни Алима. У нее такие чудесные глаза, цвета весенних ящерок, которых он ловил в детстве. Прошло еще два дня. Магир, теперь целыми днями бездумно бродил по узким улочкам, снедаемый странной, неведомой до этого тоской. Он старался не думать о том, что будет здесь через несколько дней, с невнятным предчувствием надвигающейся беды, старался отогнать то и дело всплывающие в памяти зеленые глаза, девичью улыбку под полупрозрачной накидкой.

Вот наконец и привычное для него место, в нише старой стены. Примостившийся рядом с ним, дервиш, вдруг едва слышно сказал- От тебя ждут ответа.. И тихо ответил человек дороги, едва сдерживая судорогу в горле-Кочевники уходят через 4 Луны, стража у арка меняется три раза в ночь

Бродяга довольно оскалил редкие зубы – Якши, чок якши, Кара-Хожа. Я сейчас уйду, пока не закрыли ворота стражи. Тебе приказано уходить через 8 ночей., когда начнут высыпать звезды, спутники людей дороги.

И с бессильной яростью смотрели в спину ему глаза Магира. Он отдал бы все на свете, что бы этот страшный вестник не добрался до покоев зловещего старика Дахира. Веселое утро разбудило город, звучно закричали водоносы, заспешили на рынок торговцы и ранние покупатели. Магир безучастно сидел у стены, и тоска, люта тоска, застыла в его глазах. Голос Алимы ударил его в самое сердце – Кара-Хожа. Пойдем со мной. Апа сказала, что, мы, найдем тебя работником. Она еще назвала тебя «Ашьяб Чашм» и «Ашьяб Хаар.» – старые волосы и старые глаза. Она сказала, что, ты, очень славный и не пристало тебе слоняться бездомным бродягой под открытым небом, и много горя в сердце твоём. Послушно, словно ребенок, встал человек дороги и не чувствуя ног, пошел вслед за беспечной девой, мысленно проклиная судьбу и себя самого..

Магир трудился в доме вдовы Зейнаб не покладая рук.. Он мучил себя работой. Мысленно, он, проклинал летящие дни.. Зеленоглазая дева быстро порхала по маленькому уютному домику, двору, оглашая воздух смехом.

И отворачиваясь, стискивая зубы, Магир. А Зейнаб тихо и ласково окликала его порой – Кара-Хожа! Да благословит тебя Аллах! Ожил с тобой дом наш! Прошло 6 дней. Магир, с тоской и растущей тревогой, смотрел на запад. Давно ушли в Коялык кочевники, город беспечно жил, гулял, торговал, наслаждался солнцем. Наступил вечер 7 дня. Человек дороги сидел у огня, разведенного во дворе. Алима, тихонько подкравшись, коснулась его плеча – Кара-Хожа, почему, ты, не спишь? Посмотри какие славные звезды. Апа говорит, что через неделю будет совсем жаркая погода! И, мы, поедем в горы, к озеру! Туда к отрогам. А, ты, с нами вместе.» Магир до хруста сжав кулаки, кивнул головой. Едва забрезжил рассвет, он, был уже на ногах. Старуха – вдова, приветливо поздоровавшись, хлопотала у очага. И сквозь зубы произнес Магир – Алима говорила, что через 7 дней, вы, поедете в горы, к озеру? Зейнаб кивнула – Если будет милость Аллаха! Конечно, там так славно, такая прохлада! А, ты, поедешь с нами Кара-Хожа? Клокочущий, гортанный, голос прохрипел в ответ – Апа, уходите сегодня же! Берите то, что можете унести!! Только, во имя Аллаха, сегодня!. И изумленно обернулась к нему хозяйка – Сегодня?! Да ведь мы не успеем собрать ничего! Алима ведь уже взрослая! Почему сегодня?! О чем ты говоришь, Ашьяб Хаар!

Медленным взглядом обвел стены дома черноглазый работник и ничего не ответив, пошел по дорожке в сад, спотыкаясь словно пьяный. Пролетел день, спустился вечер. Гости и купцы, бродяги и торговцы, покидали город, спеша в дорогу, надеясь до полной тьмы пройти горные перевалы. С ними уходил черноглазый бродяга, закутанный в рваный халат. Вот город уже почти растаяв вечерней дымке. Караванчики стали на ночлег. Весело затрещали ветки в кострах, забулькало варево в походных котлах. И лишь, высокий, черноглазый странник не прикоснулся к еде, не подошел к огню, уткнувшись лбом в огромную чинару, он, стоял словно изваяние, что – то бормоча себе под нос.

На рассвете, стража, охранявшая караван, шарахнулась прочь от черного всадника на коне, молнией пролетевшего по становищу и счезнувшего в утренней дымке. Почему то мокрым был ствол старой чинары. Всадник гнал коня туда где сверкали огни пожарища и тянуло дымом. Страшен был вчера еще веселый город: тела убитых деловито стаскивали в кучи, воины обшаривали трупы, вырывая друг у друга, то что казалось ценным. На площадь сгоняли тех, кому суждены были колодки рабства. Стрелой влетел человек дороги на такой знакомый двор. И не узнал... Все было разграблено, смято и растоптано. У порога лежало тело Зейнаб. Рука ее, сжимала старое, видимо, еще дедовское копьё, наконечник которого был окровлен. Тут же валялись тела двух заколотых ею воинов.

А чуть в стороне, он, увидел полуобнаженную Алимю. Ее густые волосы были разметаны по земле, зеленые глаза неподвижно смотрели в небо. В груди ее торчал нож. Видимо поняв что ей суждено стать добычей победителей, она, предпочла смерть. Сильные пальцы Магира погладили ее по голове и закрыли глаза, положив на веки два медных гитрифа. И без стопа и слез, опустил на колени человек дороги, творя молитву. Он, раскачивался в безрассудном бешенстве и вдруг протяжно завыл, словно раненый волк. В ужасе шарахнулись от него, сбивая друг друга, воины, искавшие во дворе вдовы, поживу... Старый Дахир, вошедший в город, вместе с обозом, деловито сидел в опустевшем дворце правителя, когда поступью безумного вошел туда Магир. Встретились глаза. Холод прошел по спине старика, потому что волчьи огни плескались в зрачках Магира. Седые пряди выбивались из под дорожной шапки. Тихо заговорил старик, незаметно, делая знак стражам стать за спиной бродяги – Магир. Ты, достоин награды. Ты, все сделал так как суждено было волею Аллаха! Награда любая ждет тебя! Ну же, проси.. ты, заслужил.

Надтреснутым колоколом ответил ему Магир – Там сейчас. Стаскивают убитых ... в одну яму. Тут, рядом, во дворе.. вдова и ее дочь. Я хочу похоронить их сам. И что бы никто не подходил к их могиле.!!! Клянусь Аллахом! Я перегрызу горло любому, если кто – то осмелится прикоснуться к ним! Кивнул старый Дахир – Похорони их сам, по милости Аллаха, пусть упокоятся их души! В небольшом овринге, в скалах, Магир развел огонь. Бережно, словно боясь разбудить, он, опустил в него два женских тела. Когда лишь зола напоминала о людях, так рано ушедших к предкам, он, набрал в огромную ладонь горсть пепла и дунул.. Ветер подхватил то, что совсем недавно было Зейнаб и Алимой, и стремительно кружа, понес по долине. Мертвыми глазами смотрел на мир человек дороги, воткнув в землю клинок и шепча молитву. Стояла ночь.. Старый Дахир, задумчиво пощипывая жидкую бороду, вел не спешную беседу с Арбилем.

– Человек дороги выполнил все. Это ты видишь сам, о повелитель. Его разум помутился на время. Он взял в награду тела двух женщин. Старухи и девчонки. Может он так хочет заслужить хоть какую то милость неба?!

Встревожено перебил его Арбиль – Не опасен ли он в безумии своем. Ведь когда Аллах лишает разума, человек становится бесстрашен. Ему нечего терять. А безумцы легко умирают! Сухая старческая рука подвинула чашу с вином и сделав глоток, ответил зловещий старец – Нет.. Его разум вынесет это. Вот теперь, он стал настоящим волком – одиночкой. Он похоронив тех, кто был дорог, потеряет жалость. Она уйдет из сердца, как вода из треснувшего кувшина. А вот ненавидеть нас, он теперь будет. Клянусь Аллахом, будет! И радость от этого всходит в сердце моем!

И удивленно глянул на него правитель. Усмешка исказила лицо старика – Теперь, он, считает, что кровь и на его руках. Боясь и ненавидя, он, будет делать то, что прикажут. Куда теперь деваться ему? Тех кто был дорог нет, родник жалости иссяк. А теперь, он, знает, что мы – дотянемся везде. Идти ему не к кому и не зачем! Дрогнувшим голосом протянул Арбиль – Поясни, мой старый Дахир. Будто иблис вещает твоими устами. И спокойно и тихо ответил старик – Продают те, кто за жизнь цепляется. Тот чье сердце не доступно жалости, продает реже. Не о ком страдать его душе, жалеть некого. Магир был чист сердцем. Теперь он стал уподобляться солончаку. Солончак – раз ступил, и все.. Трясина затянула. А он умен и понимает это. Пощады то не будет ни где. Самое главное в душе.. Покоя не будет. Слишком игры иблиса взяли его за глотку.!

Глава 3

Волчьи тропы.

Магир медленно шел по Аталыку. Хамадан выжег из него так много... Лицо человека дороги казалось безмятежным и спокойным, но стоило внимательно всмотреться в черные глаза человека дороги становилось ясно, что под внешним спокойствием кроются

нечеловеческая усталость, смешанная с безразличием и опустошенностью. Пустыми глазами смотрел, он, на так знакомые прежде ряды ремесленников, не трогали его ни смешивающиеся в воздухе запахи, ни многоголосый гул базара. Вот, он, остановился мертвыми глазами оглядывая кузнечные ряды с веселыми снопами искр, звоном испытываемых клинков... Вот мастерская чеканщика Бахрама. Магир толкнул знакомую дверь. Старик, не узнаваемо сгорбившийся, за те месяцы, что не видались они, поднял на него глаза, оторвавшись о работы. И сердце Магира сжалось. Словно пеплом были присыпаны зрочки старого чеканщика. Он вяло ответил на приветствие и попытался сделать вид, что рад гостю. Магир опустился на кошму рядом с ним» Да будет счастье над домом твоим почтенный угод!» Старик криво усмехнулся – Аллах может даровать счастье мне..Если заберет у меня мою жизнь. Зачем она мне теперь?!. Магир цокнул языком – Что за беда стряслась, почтенный угод?! Чеканщик выдохнул, и с тоской и усилием проговорил – Разве не слышал, ты, что наш славный эмир, да пошлет Аллах долголетие ему, воспользовался не разберихой, которая царит теперь в рухнувшем царстве Саманидов и словно спелый плод, к нему в руки упал Хамадан, который, он, в знак дружбы отдал владыкам Газневидам.» Магир почувствовал, что потолок старой мастерской начал рушиться на него. С трудом сдержавшись, он, подсел поближе к старику раздавленному скорбью – Да я знаю! На все воля Аллаха! Чеканщик кивнул безразлично – Да, воля Аллаха! Ты, знал дочь мою, старшую, красавицу Юлдуз! Она собиралась выходить замуж. Перед свадьбой она поехала погостить к дальней родне, в Хамадан! И будь проклята жизнь моя! Там ее и приняла земля чужбины, она, погибла, когда воины нашего славного эмира взяли город! У нее нет даже могилы! И мне некуда придти, что бы сотворить молитву над прахом ее! Судорога исказила лицо Магира и он на мгновение прикрыл глаза. Старый угод отвлекся от своего горя – Что с тобой, Магир? Ох, прости мое негостепреимство? Вай мэ, да что с тобой? Как посыпал тебя снег за эти месяцы?! А ведь так молод, ты! Сейчас дочери накроют достахан! И Аллах прости, но, мы, осушим чашу за упокой души моей дочери!» Человек дороги с трудом выдохнул» Прости, угод! Велико горе твое! Но я зашел совсем не на долго!» С этими словами он поднялся, и мешочек с деньгами лег на колени старика» Вот, возьми! Закажи молитву! Купи дочерям обновки! А.. я.. пойду тропами судьбы своей!» Но старик уже не слушал его, а склонившись над своими резцами для чеканки, трясся в беззвучных рыданиях. Дахир, отложил, пожелтевшую от времени, книгу, написанную не когда великим ханьцем Лао Цзы и глубоко задумался, машинально, перебирая алые кисти на своем халате. Его мысли были прерваны не громким – Салам Аллейкум, мой верный Дахир! Старик поднял голову. На пороге покоя стоял, бесшумно вошедший и видимо давно наблюдавший за ним эмир. Престарелый советник прижал ладони к груди склонился в почтительном поклоне. Арбиль снисходительно улыбнулся – Ты был погружен в мысли свои, мой верный слуга! Поделись ими, ибо Аллах заповедывает нам не только мыслить, но и делить с кем то тяготы раздумий! Страшный старец заговорил, не торопясь – Мой повелитель! Я прах ног твоих, но о благе твоём и державы твоей пекусь я не устанно. И вот какие мысли послал мне Аллах! Трещат и рушатся царства вокруг! Газневиды друзья, и соседи страшные! Их замыслы должны быть ясны нам! Ибо даже веря союзнику, правитель должен иметь под подушкой кинжал! Арбиль согласно кивнул – Это так! Но к чему ведет мысль твоя?! Дахир пожевал сухими губами – Когда мир меняется и горит в пламени смут..Люди дороги, глаза и уши, кинжал в длани нашей! Но они тоже не бессмертны, эти порождения шайтана! Они каждый миг рискуют жизнью, без счета видят кровь, страдания! Они снашиваются, словно сапоги у путника! Эмир удивленно поднял брови. Дахир задумчиво продолжал – Они гибнут без счета! Но они лишь лезвие клинка нашего! Те кто возвращаются..Кто то дурманит себя зельями, кто то пьет вино, почти не таясь, словно гоня от себя мысли о завтрашнем дне! А вот великий Лао Цзы пишет, что люди дороги, те кто должен все видеть и слышать, должны верить, что у них есть возможность остаться в живых! Только тогда на них можно опереться! Арбиль чуть сощурился – Я не постигаю

мысль твою, старый мой слуга. Дахир устало пояснил – Великий ханец призывает делить людей дороги на «людей жизни» и «людей смерти». Но им не стоит говорить о том, что люди смерти, те кому уже уготовано место на небесах, кого отправляют дорогами странствий, заранее готовя молитву за их душу и люди жизни, те кто может вернуться и должен служить дальше! Эмир дружески улыбнулся – Старик! Твоя седина равна мудрости твоей! Страшный старец ухмыльнулся, довольный, что его мысль оценена – Но это еще пол-дела, мой повелитель, пол-дела! Эмир с любопытством присел – А ну ка, хитроумный мой слуга, поведай, что за мысль послал тебе Аллах! Дахир погладил бороду – Случай с Магиром, когда на время помутился его разум, показал, что люди дороги должны..должны знать, чувствовать, что такие же как они.. такие же волки.. братья по крови. Что бы они могли если нужно помнить о нашем оке и нашей длани. Они должны помнить, что каждый из них умирать будет сам. И что бы сердца их съела зависть к тому кто более удачлив. Понимаешь, повелитель мой? Эмир кивнул – Верно!! Клянусь Аллахом! Тогда каждый будет стараться быть первым! А если придется, то и запустить клыки в глотку более удачливого! – Именно так, повелитель! И при этом они должны чувствовать, что они не усыпно перед взором нашим и мы умеем не только карать, но и дарить милость! Эмир долго молчал, а затем заговорил – У них очень скоро будет много дорог! Много! Я хочу, мой старый Дахир, что бы, ты, собрал их воедино, за одним столом! Пусть посмотрят друг на друга! Пусть увидят таких же волков! И каждый будет думать, что повеет скоро ветер странствий и пуст погибнет кто то, а не я! Милость получит тот, кто останется на грешной этой земле! Так? Дахир тихонько, по стариковски хихикнул – Они будут щедро одарены! Лесть, тонкая лесть, проникнет даже в их души, покрытые мхом!! Стремясь к большему, они будут верить, что теперь когда они обласканы и милостивое око смотрит на них, то это поможет им! И подумав не много, старец добавил – Они уверяться в своей значимости! Причем каждый в своей!! Теперь нам не стоит посылать их по многу! Время пришло другое!! Теперь умный волк – одиночка сможет больше чем несколько тупых головурубов! Самое главное! Они не смогут сговориться между собой!! Ведь сбившиеся в стаю волки быстрее вцепятся в кормящую руку! Арбиль почти восхищенно кивнул – Это верно!! Страшен тот, кто стоит близко к власти! В старых сказаниях разных народов можно узнать о том как владыка – победитель бывал не раз свергнут с вершины своей, теми, кого вознес вместе с собой. А с ростом нашего могущества не слишком ли много власти будет в руках людей дороги? Не вознесутся ли они в мыслях своих? И что еще хуже, в деяниях? Кинжал в глотке врага это чудесно! Но еще важнее, что бы он не оказался в спине посланного убийцу властителя! Мой мудрый советник, сколько ты сможешь собрать вместе людей дороги, из тех кто в Аталыке!?! Скольким из них, ты, можшь завтра доставить усладу живота, слуха и сердца?! Дахир погладил бороду – Трое сейчас каются во всех грехах своих перед палачами! Головы двоих привезли в дар от илека Исфагана! 15 человек завтра будут наслаждаться твоей щедростью и дарами, милостивый эмир!..Магир сидел за столом и внимательно оглыдывал лица сотрапезников. 14 людей дороги сидели рядом с ним за досторханом. Кто то оглядывал себя, гордясь новым халатом, расшитым серебром, и ошупывая мешочек с монетами, щедрым даром эмира, кто то гордо выставил, украшенную камнями, рукоять кинжала, покрытую арабской вязью. Звенели чаши, вздымаемые то и дело, лоснились от обильной еды лица и руки. Дахир не поспешил ни на дары, ни на угощение. Чем только не услаждали желудки люди дороги: плов, фаршированные голуби, мясо на вертелах, диковинные фрукты, сладости. Все исчезало в бездонных желудках тех, кто мог и привык довольствоваться малым. Черные глаза Магира перебежали с одного лица на другое. Разными путями попали они все за богатый стол этот. Разные тропы у всех, и судьбы своей не дано ведать никому! Вот два брата: Салим и Мирза, сыновья кожевника, из Бухары. Своей волей бросили они отчий дом. И занимались мелким воровством на рынках. Им хотели резать горло за кражу курицы, но их заметили глаза Дахира. Теперь они служат светлейшему эмиру, в тайне, состязаясь друг с другом

в ловкости и удачливости. Рядом с ними, смуглый, раскосый, туркмен Курбан, из Термеза. Его выкупили из каменоломни, куда, он, попал за разбой на караванных тропах Вот поглощает мясо, сыто отрывиваясь, уроженец Кашгара, Наиль. В голодный год, он, бежал из становища и стал ловким фальшивомонетчиком. Его помиловали, когда палачи уже готовились залить ему в глотку расплавленное серебро. Вот не разговорчивый Хаким. Его родина Туран. Он похож на медведя. Его боятся самые окаменевшие души. Поговаривают, что, он, не когда был купцом, но потерял все и был продан за долги. Он сидел с колодкой на шее и бежал, перекусив горло стражу. Его поймали. Старый Дахир выбрал его из обреченных, прямо у смертного помоста. Вот тонкокожий, красавец Артык. Совсем еще мальчик. Он рано остался без отца, и показывал фокусы на рынке, потешая зевак. Везиру понравилось как исчезают вещи в его одежде и как без промаха паренек мечет ножи. Этот юнец еще гордится, что он человек дороги. Он смотрит на Магира с завистью и восхищением. А вон те пятеро. Они держатся вместе. Настороженно оглядываются. Видно, что ножи из рукавов и из за поясов, выхватывают мгновенно. Их не знает никто. Но Магиру достаточно глянуть на их землистые лица, заметить следы оков на запястьях и рваный шрам от бича на лицах двоих. Выкупленные из рудника. Вот ест, никак не может набить брюхо, толстяк Гафур. Округлое лицо, арбузные щеки, утиная походка, улыбка мальчишки – шалуна. Но все знают, что трудно сыскать лучшего соглядатая и умельца влезть в чужое сердце и душу. И один Аллах ведает, сколько людей ушло в царство теней, и даже подозрение не коснулась при этом добродушного увальня. Внезапно чавканье, сытое рыгание, веселые возгласы, прервались злобным шипением на дальнем углу стола и приглушенным спором. Головы пирующих повернулись в сторону шума. Артык, которому вино видимо ударило в голову сильнее чем другим, что то сказал туркмену Курбану, и лицо бывшего разбойника стало багровым от обиды и ярости. Вскоре ругань стала отчетливее – Как смеешь, ты, червь, мальчишка, говорить дерзости мне, тому кто с ветром братался, сорил монетами, покупал ласки женщин, не жалея ничего? Артык вспыхнул от обиды – Ты, подлец, готовый за три динара отца на рынке продать! Ты же сам хвастал как у рабынь серьги рвал из ушей, с мясом! И закончишь, ты, дни свои как пес! В петле! – Не тебе учить меня, безродный щенок, пригретый из милости, бахлул (дурак, шут)! Вокруг ссорящихся мгновенно образовалось пустое пространство. Все понимали, что если разум уступает место ярости и гневу, то предпочтительнее держаться подальше. В мгновение ока, оба человека дороги выхватили ножи, сверкнувшие в воздухе. Артык, явно уступавший врагу в росте и силе, тем не менее был опасен даже на беглый взгляд. Он смахивал на тонкую, но смертельно – опасную змею. Туркмен, бешено сверкавший черными раскосыми глазами, походил, в свою очередь, на разъяренного кабана их камышевых зарослей Сырдарьи. Оба врага начали мгновенный танец смерти Предвкушая славное зрелище, вокруг загалдели» Ставлю на Артыка!», «Бьюсь об заклад, что останется Курбан!» Магир внезапно предостерегающе поднял руку и его голос перекрыл шум – Пойдите ка, братья! Вы, забыли, что приказ везира запрещает драки между людьми дороги, в городе! Виновных ждет меч палача! Да и свидетелям не сдобровать! Головы повернулись к нему. Магира знали и уважали все. Разъяренные враги все еще стояли друг перед другом, но предупреждение охладило их не в меру вскипевшую кровь. Курбан первым поднял руку в жесте примирения – Ну, хорошо же, Артык! Что бы не было ссоры между людьми дороги. Если есть желание, то ножи наши могут скреститься и в другом месте?! Артык, мгновенным, неуловимым движением убрал свой гератский нож и лениво процедил – Я готов встретиться с тобой на тропе узкой, волк караванный! Все вернулись к столу, но чувствовалось, что прежний пиршественный настрой, сближавший людей дороги тает, уступая место настороженности и недоверию. Внезапно Наиль сверкнул зубами – Братья! Мы ведь одной крови! Пусть же развеет холод и ярость, добрая песня и славная мелодия!» Его поняли мгновенно. Со всех сторон раздалось – Магир! Клянусь Аллахом! Магир сыграет и споет! Магир, уважь братьев! Руд в руках черноглазого человека дороги запел, зазвенел.

Негромко, но отчетливо и звонко, зазвучал голос дарваза – «В руках Аллаха жизнь твоя и вечером и днем! Идет по свету человек, идет своим путем! Пусть зной и ветер душу рвут, и в кровь избиты ноги! Нас ветер странствий вдаль позвал! Мы, выбрали дороги! Нас солнце будит поутру, ждут горные отроги! Поднимем чашу в честь свою! Мы выбрали дороги!» И незаметно для себя, начали подпевать, даже самые угрюмые – «Давно покинут кров родной и отчие пороги! Держи свою судьбу в руках, коль выпали дороги! А коли твой придет черед, звезда в ладони упадет!! Навеки, с небосвода! Упал, вставай! Поют ветра и манят нас отроги! Аллах велит, скорее в путь, коль выпали дороги! «Когда отзвенели последние звуки, дарваз поднял голову! И странное выражение увидел он на многих лицах, обветренных, суровых. Мокрые дорожки, почему то, пролегли по свирепому лицу безжалостного Хакима, бывшего караванщика. ...Прошел день, наступил вечер. Старый Дахир кутался в теплый халат, не смотря на то что было достаточно жарко. Он сидел перед роскошно накрытым столом, ломившемся от обилия блюд, кувшинов, чаш и поглядывал на потайную дверь, словно ожидая кого то. Наконец дверь открылась и в нее, смешно, пыхтя и отдуваясь протиснулся человек, сложением и видом напоминающий бухарский арбуз. Лицо визира просияло – К столу, мой долгожданный гость! К столу, почтенный Гафур! Не утомил ли тебя путь?! Толстяк расхохотался, добродушно и заразительно – Меня скорее утомила эта дверь! Она явно не для моего брюха! Ведь меня с детства дразнили Мумтоз! Пузо! Он смеялся так, что старик не выдержал и тоже рассмеялся. Совершив омовение и сотворив молитву, гость и хозяин принялись за трапезу. Если Дахир ел мало, едва прикасаясь к чудесно пахнущим блюдам, то его гость сметал, все что стояло перед ним, не переставая нахваливать блюда – Уф! Плов! Туф – туф! Клянусь стопой Кутейбы, не ел вкуснее! Ах, баранина! Словно с лугов гиссарских! Курица с ханьскими пряностями! Тает во рту! Дыни из Чарджоу! Слаще меда!» Гостепреимный хозяин пододвигал нму то одно яство то другое, и сияя всеми стариковскими морщинами, приговаривал – Угощайся, почтенный Гафур! Воистину – гость в доме – бог в доме! А вот эти персики из Табаристана! Вот славная телятина, тушенная в соке сливы! Наконец, когда с трапезой было покончено., улыбка исчезла с лица старика. Он коротко бросил – Рассказывай, Гафур! Да не вздумай лгать! В мгновение ока толстяк преобразился. Словно два человека проснулись и ожили в нем. Один, сыто покряхтывал, довольно морщась, второй деловито и жестко говорил – Твой приказ выполнен, великий везир! Мои уши слышали, глаза видели, все что должны были увидеть!! Дахир кивнул – Хвала Аллаху! Ты, верный слуга, Гафур и награда ждет тебя! Рассказывай обо всех! О тех кто делил с тобой стол, о людях дороги! Гафур жестко произнес – Отребье! Они, навоз, выброшенный шайтаном из под хвоста, в день гнева! Хаким, вообще скот двуногий, с мозгами осла и нравом медведя! Наиль имеет тайное пристрастие к териаку. Оно скоро лишит его разума! Бухарцы-братья, как были воришками, так и остались ими в душе! Курбан способен лишь резать глотки, да грабить убитых! Артык – еще мальчишка, но уже показывает волчьи клыки! Дахир кивнул – Ты молодец, Гафур! Молодец! То, что это сброд я и так знаю! Мне важно другое! Скажи, а есть ли среди них тот, кто может стать вожаком? Тот в ком мог бы не сомневаться я, по крайней мере до тех пор..пока это нужно мне?.. Толстяк задумался, время от времени бросая на старика взгляд, словно размышляя о чем то, чего сказать не решался. Наконец, видимо придя к какой то мысли, решительно произнес» Лишь один человек из этих 15, не понятен мне и темен для сердца моего, почтенный визир, да пошлет Аллах тебе долголетие!» Старик пожегился в своем теплом халате и тихо и утвердительно сказал – Ты говоришь о Магире?. Черном Магире – дарвазе, как его зовут люди дороги! Гафур чуть помедлил с ответом – Да, именно о нем! Если остальные ясны мне, и их судьба тоже видна, помост палача или рудник, то Магир это камень, в нем непроницаемость кремня! В нем столько намешали, словно соревнуясь Аллах и шайтан, что не с моим слабым умом расколоть твердь эту!» Старик метнул перед ним мешочек с монетами и знаком велел продолжать. Соглядатай задумчиво погладил жидкую бороду – Он везде

и нигде! Я нанимал мальчишек, других соглядатаев, что бы они узнали о нем всем. Пороках, слабостях, привычках! Прости мне дерзость эту, почтенный Дахир, но таков был твой приказ!». Старик кивнул – Иль алла! И что же узнали твои презренные собратья из братства глядящих и слушающих?! Гафур смешно развел толстыми руками – Ничего! Он везде свой! Чеканит посуду с чеканщиками, кует клинки с оружейниками, варит плов с поварами! Обьезжает коней с табунщиками! И никто не знает, где, начало и где конец этому человеку! Вчера разгоряченные вином люди дороги схватились за ножи! Его слова было достаточно, что бы угасла ярость! А когда, он, запел, плакал даже, порожденный джиннами и смертью, Хаким! Дахир довольно усмехнулся – Я приметил его. Много лет назад. И не ошибся в нем. Даже такой как, ты, никогда не сможет понять его, Гафур. То, что он первый среди волков, я и так знал до этого! То, что его слово на вес жизни? Ну об этом не тебе судить! Бери плату и пошел вон отсюда! Смешно клянясь и сопя, толстяк исчез так же внезапно как и появился. Старый везир задумчиво потер седую бороду. Несколько мгновений, он, рассеянно перебирал старческими пальцами бахрому дасторхана и вдруг решительно и не громко хлопнул в ладоши. Вбежавший в его покой, слуга застыл на пороге. Старик, одним движением пальца приказал ему приблизиться и что то шепнул на ухо. ...Дахир смотрел в узкое оконце на Аталык, скрытый тьмой ночи. Вскоре раздались шаги. Везир обернулся и приветливо кивнул» Салам Аллейкум, человек дороги! Салам Аллейкум, почтенный!» Вошедший, закутанный в плащ, кивнул, искренне недоумевая, что могло понадобиться старому Дахиру в столь поздний час. Словно не замечая растерянности вошедшего, старик воодушевленно продолжал – Садись, Артык! Садись! Гостю я всегда рад! Юноша польщенно улыбнулся – Лестны слова твои, великий везир! Что же потребно от меня в столь не урочный час и чем могу я быть благостен сердцу твоему?! Дахир по отечески улыбнулся – Аллах велик и хозяин не должен нарушать законы гостепреимства. Присаживайся, бача, ибо сердце свое некому открыть старому Дахиру. Некому! Ты, помнишь, Артык, как я заметил тебя на улице, когда за медную монету, ты, развлекал толпу? Вижу, что помнишь. Тогда я сказал себе, что не место такому славному пареньку среди этого сброда. Что достоин он большего! Польщенный парень прижал ладонь к груди – Милость Аллаха пусть будет с тобой, о великий везир! Благодарность моя к тебе безмерна! Старик сокрушенно вздохнул – Ты, верно служишь. Ты настоящий человек дороги, Артык. Таким как ты можно гордиться. Ах, если бы такой сын был у меня..Так вот..Настало время, когда великую услугу можешь оказать, ты, мне, избавить сердце мое от великой заботы. Человек дороги улыбнулся, обнажив мелкие, острые зубы – Твое слово, великий везир! Для людей дороги нет преград, нет не возможного! Везир кивнул – Знаю, но сейчас время угощения. Дасторхан в соседнем покое уже накрыт! Дела потом, сперва хозяин должен угостить такого дорогого гостя! Когда Артык чуть отдуваясь и счастливо хмыкая, отвалился от стола, Дахир заговорил – Печаль в сердце моем, печаль! Люди дороги, те кто подобен звездам. Те кто бросает ветрам судьбе и чужой воле. Кто презирает смерть. Видит Аллах, они – опора власти. Но опечалено сердце мое. Среди дивных соцветий, людей, с сердцами львов и нравом булата, завелся низкий, недостойный человек! Глаза Артыка стали ледяными – Кто не достойный этот?! Он не увидит рассвета, лишь стоит приказать, великий везир! Царедворец сокрушенно поднял глаза к небу – Аллах свидетель. Я не хотел этого. Это Гафур, увалень Гафур. Только что, он, был здесь. Его речь напоминала шипение змеи и лай гиены. Велик Аллах, сколько мерзостей слетело с уст его! И о ком? О людях дороги?! О верных наших слугах?! Тебя например, он, обозвал волчонком, потерявшим разум и стыд, но отрастившим клыки! Мои уста отказываются повторять, то, что говорил этот ничтожный червь. То, что изрыгал! Рука Артыка, положенная на клинок говорила лучше любых слов. Старик хмыкнул – Ты правильно понял. Он живет за городом. Ушел он не далеко. Пусть ангелы укажут ему дорогу в сады райские! Дахир чуть поднял ладонь и Артык, уже собравшийся уходить, застыл на месте. Старик тихо сказал – Сразу же после этого.. ты, придешь сюда. Стелится путь твой, через перевалы, в Исфаган, человек дороги!

В Исфаган пойдешь ...Кровь братьев наших вызывает к мести! Отрубленные головы прислал исфаганский илек Мансур! И великая слава станет спутницей твоей, Артык, когда отомстишь ты! Уже близился рассвет, когда перед листавшим какую – то пожелтевшую рукопись, везиром, предстал Артык. Он молча кивнул, в знак того, что приказ выполнен. и застыл, подобно изваянию. Дахир улыбнулся – Я знал, что могу рассчитывать на тебя! Такие как ты, опора власти. А сейчас иди, поспи. Слуга проводит тебя в дальний покой. Там все уже готово. Ты уйдешь с караваном когда встанет солнце и дорога будет трудной! Надо набраться сил! Прошел еще час. Дахир словно обдумав что – то, вызвал заспанного начальника стражи – Ты знаешь Курбана, по прозвищу Менгу? Он раньше жил тем, что освобождал от грузов караваны на тропах? Страж кивнул. Старик сделал едва уловимый жест – Приведи его ко мне. Так что бы не видел никто! Везир с интересом оглядел застывшего в поклоне Курбана и деловито и жестко заговорил – Утром уходит караван в Исфахан. Там будет тот, кто оскорбил тебя, бросил вызов. Ты не за был этого? Лицо Курбана озарила улыбка, в предвкушении мести – Барсы караванных троп не прощают обид! Магир вовремя предостерег. Но ведь..Только дурак кричит о мести. Умный отточит клинок и выберет момент! Дахир кивнул – Ты, понял меня, хвала Аллаху! Вот деньги!!! Собратьев по ремеслу, ты, без труда найдешь в любом становище. Иди за караваном, вплоть до земель Исфахана. Пусть месть свершится там!! Пусть илек Исфагаа ответит за кровь, пролитую на его земле! Товары каравана твои..Ты помнишь свое ремесло?. Туркмен ухмыльнулся – Поминая его, я встречу смерть! Пролетел в круговерти земного бытия еще месяц... Магир спавший всегда очень чутко, проснулся от каких то странных звуков. Он приподнял кудрявую голову с седыми прядями и вслушался. в странный неумолчный шелест. Так это же дождь! Весенний ливень щедро опрокинул свой ковш над Аталыком. Человек дороги стоял у крепостной стены и с наслаждением ловил горстями влагу, она текла по его лицу, бороде, освежала, зывала к жизни. Насколько видела глаз, везде: в отрогах, на перевалах, в долине, висела пелена весеннего дождя, где – то далеко грохотал гром! Щедрый дар неба впитывала земля! Ах если бы мог стать птицей Магир – Дарваз!., Бахчи – Магир, Кара – Магир! Став на крыло, он, из небесной дали увидал бы, как щедрый ливень поит маленькую ложбину под Кашгаром, где похоронил, он, Хасана, роняет влагу над Хамаданом, где навеки осталась его мечта, его любовь – зеленоглазая Алима, смог бы обозреть горную караванную тропу под отрогами Загроса, где веселые капли стыли на щеках Артыка и в мертвых глазницах. Стыли и застывали, так что казалось, что погибший вместе с караваном своим, человек дороги, плачет! Но не дано стать птицей человеку, не дано видеть ковер земли с высоты птичьего полета и не дано, даже мысленно, обозреть день свой грядущий! Почти до рассвета стоял Магир под, то затухающим, то набирающим силу ливнем, и мокрый, счастливый, уснул безмятежным детским сном, чему – то улыбаясь. А с весенними ливнями, шедшими и день и два и три, в Аталык стала пробираться тревога. И никто не мог сказать, что тяготит сердца, что не дает покоя душам. Словно искры от начинающегося пожара, внезапно стали поднимать свои головы в сердцах и умах. Сперва тихонько, а за тем все настойчивее ощущение беспокойства поселилось в Аталыке! То, купцы приносили слух о свирепом отряде разбойников, грабящем караваны, у границы эмирата, то, перепуганные жители приносили дурные вести о селениях, ограбленных и вырезанных до последнего человека, то, на базарах и постоянных дворах, шел слух о неуловивом разбойнике, все видящим, все слышащем, настагающем свою жертву где угодно. Старый Дахир, спешно вызванный в покои эмира, склонился в поклоне. Арбиль, стоял, повернувшись спиной к своему престарелому советнику и внимательно оглядывал стены, изукрашенные коврами и нашитыми на них алмазами из Бадахшана. Это свидетельствовало о том, что светлейший эмир маленького, но свирепого владения, граничащего с землями Газневидов, в бешенстве, но старается сдерживаться! Эмир повернулся к старику и широко улыбнулся – Ах, мой старый, верный Дахир! Сколько лет, ты, уже у стремени нашего? Ты, так верно служил еще нашему отцу, Тобчи – хану, да примет

Аллах его душу в садах райских! Но видно ноша эта стала не посильна для плеч твоих, старый мой слуга. Не пора ли тебе задуматься в тишине и покое, о быстротечности дней и оставить тем, кто моложе, тяжкие мирские заботы? Дахир не был робким или впечатлительным, но холод пробрал его до пяток. Слишком хорошо знал, он чем может завершиться слово о покое и созерцании в устах любого владыки. Везир молитвенно сложил ладони у лица – Чем опечалено сердце твое, пресветлый эмир? Кто посеял в нем семена горя и недоверия ко мне? Что встревожило душу светлейшего эмира? Арбиль лениво потянулся, словно хищник, готовый к броску – Да не стоит тревожить тебе свое сердце, мой верный Дахир. Наша длань крепко держит клинок и оседлан конь наш. Все хорошо, все спокойно и мирно в Аталыке. Есть мелкие шалости шайтана. Но мы справимся с ним, с помощью Аллаха! За последние два месяца отграблено четыре каравана, чужеземных каравана! Два каравана, которые шли с товаром из Аталыка! Разграблены и вырезаны три селения, в нашем приграничье! И все время говорят об одном и том же неуловимом, свирепом разбойнике! Его отряд состоит из трех десятков висельников! Те кто спасся от них, трясутся в ужасе, и говорят, что сподвижники называют его Кара – Менгу! Но стоит ли тебе тревожить сердце свое по таким пустяками, мой старый слуга?! Старик покорно ждал своей участи. Наконец, эмир чуть смягчил голос – Так вот, мой верный слуга! Через месяц и не более, уши наши не должны быть обеспокоены слухом о деяниях какого – то грязного разбойника!. Иначе, клянусь Аллахом, скорбью оденется сердце наше и горечь войдет в кровь, когда Аллах может призвать к себе верного нашего слугу! Все мы в руках Аллаха! А сейчас ступай же. Дахир попятился в поклоне и исчез. Прошел день, за ним еще два. Не известно было спал ли в эти дни старый везир. Люди разного вида и сословия, приходили в его покои то на ранней заре, то глухой ночью. Были среди них, те у кого на лике уже стояла печать грядущей виселицы, и глядя на них, стало бы противно даже шайтану. Незаметно появлялись и исчезали, благообразные странники, с вороватыми глазами и руками, готовыми выхватить нож, навещали старика, декхане с неотмываемым налетом земли и пыли. Наступила ночь четвертого дня. Уже спал город, перекликались стражи на башнях, горели костры у коновязей. Воины, словно псы, по первому знаку хозяина, готовы бы ли рвануться по следу. Дахир, потирая, красные, от бессонницы глаза, сидел при свете масляного светильника, в ожидании. Наконец открылась потайная дверь, распахнулся полог и ночной гость предстал перед стариком. Везир улыбнулся – Ах, мой верный Магир! Дарваз Магир! Я рад, что Аллах подал мне такого чудесного гостя! Может голоден ты? Может ты желаешь с дороги чашу вина, Аллах простит?! Магир отрицательно качнул головой – Благодарю, почтенный везир! Я сыт, и нет нужды в вине душе моей! Что за дело удостоило меня чести лицезреть великого везира?! Старик сокрушенно качнул головой – Ах, Магир, славный и верный Магир! Лучший из людей дороги! Ты, знаешь, чем опечалено сердце великого эмира и мое! Знаешь, что слухи о неуловимом разбойнике, подобном кровоядному зверю, проникают в сердца и уши! Человек дороги сдержанно кивнул – Я слышал об отряде разбойников, отряде неуловимом! Два раза против них высылались отряды воинов, но два раза.. лучших воинов этот разбойник разбрасывал словно тигр собак, усеивая их головами предгорья и уступы Тайфара! Предводителя зовут Кара – Менгу. Кто он, где скрывается, откуда принес его не добрый ветер? Это знает один Аллах! Дахир сокрушенно кивнул – Ты прав, мой верный Магир! Ты прав! Лишь ты можешь рассеять печаль сердца моего! Ах болит оно, ах как болит! Чует оно, что не простой разбойник повадился лить кровь в наших землях! И потому скорбь в сердце моем!. Магир изумленно поднял брови – От чего скорбь, великий везир?! Почему слухи о неуловимом разбойнике рождают такую печаль?! Везир понизил голос – Ах мой Магир! Ты, же знаешь, что люди дороги..Они мне словно родственники! Ведь все они прошли через руки мои! Я спас их, кого от петли, кого от цепи раба..кого от участи нищетограда, мечтающего о куске лепешки. Великий эмир дал мне месяц. Понимаешь месяц? Иначе.. Да что объяснять. Так вот. Мое сердце и нюх мой говорят мне, что не уловимый

Кара – Менгу – был совсем не давно человеком дороги! А значит, он, не просто опасен, он, смертельно опасен! Так что любой разбойник перед ним, мальчик играющий в лошадки! Магир внимательно взглянул на старца. Таким он везира еще не видел. Что то не знакомое, жалкое, проступило в лице старика, проглянуло какое то выражение скрываемой жалости к себе. И голос..Никогда еще человек дороги не чувствовал ниток просьбы в дребезжащем голосе. Человек дороги тряхнул кудрями – Человек дороги? Опустошает окрестности, грабит караваны? Но почему так решил, ты, почтенный..? Дахир перебил – Сядь, и преклони слух свой к устам моим, мой верный Магир! И сядь поближе! Ведь и стены имеют уши! Ты знаешь, что узел вражды завязал шайтан между людьми дороги – барласом Артыком и туркменом Курбаном, который раньше грабил караваны и вырван был мной из рук палача! Тайну окрою тебе, тайну! В Исфахан пошел Артык с караваном, ибо на руках илека, эмира Исфахана, кровь братьев наших! Но исчез за ним следом и Курбан! Я узнал, что разграблен караван и мертв Артык! И скорбь в сердце моем! Если Кара – Менгу – Курбан, то, он, страшен в тройне! Барс вкусил крови и вырвался на волю! Магир кивнул бесстрастно. Дахир шумно выдохнул – Я долго думал. Я слух свой преклонял перед всеми. И узнал я вот, что. Кара-Менгу отлично знает Аталык, все горы, тропы, водопои, караванные стоянки. Он появляется там, где не ждут его! Видит бог, мне пришлось слушать даже тех, кто скупает краденное, воров, которым я плачу! Они лишь знают, что по слухам ничего из награбленных ценностей ни идет через их руки! Кара -Менгу опытен в разбое! В бою, подобен ангелу смерти! Магир приложил ладонь к сердцу – Велик Аллах! Если это Курбан, носивший прозвище Менгу, что по тюркски значит"умный», то..То страшнее зверя на тропах караванных и представить себе трудно. Дахир горестно кивнул» Мои воины против человека дороги..сторожевые псы против тигра! Лишь человек дороги может выследить и бросить вызов человеку дороги! Магир! Ты лучший из лучших! Ты сможешь обезопасить тропы караванные! Ах, Магир! Благодарность моя, благодарность эмира, ослепительной будет! Тебе для поиска и поимки Кара-Менгу дадут все! Деньги, коней, воинов! Все, что будет нужно!». Человек дороги на долго задумался, а затем кивнул – Хорошо! Все в руках Аллаха! Через два дня я выйду на поиск!». Лукавый старец облегченно вздохнул» Хвала Аллаху! Я знал Магир, что могу положиться на твою руку и твое сердце! А награда? Что хочешь ты в награду?!» Магир чуть дернул плечом» Арабы говорят"мужчина сперва делает дело». И бесшумно вышел, поклонившись, Прошло два дня. На рассвете третьего, страшный стук в ворота, поднял на ноги стражей, затрубили трубы, замелькали факелы. Шедший в Аталык караван из Ханя был разграблен, в двух днях пути от города. Город полнился слухами. Передавая новости, как всегда ввали, преувеличивали, раздували искры страха. Магир не торопливо оглядел свой отряд. Отборные воины: карлуки, кашгарцы, кашкайцы, ями, дарвази, ждали только приказа. Человек дороги поправил шлем и тряхнул головой – Скорее, пока не остыли следы на караванной тропе! Пригнувшись к седлу, похожий в этот момент на зверя, приготовившегося к бою, летел Магир на великолепном карабахе. Воины отряда мчались за ним. Вот и караванная тропа. Страшное зрелище представляла она собой. Тела убитых, обломки телег, следы жестокой и упорной битвы. Седой кашкаец, неотступно следовавший за Магиром, сокрушенно качнул головой – В преисподнюю к шайтану этого Кара-Менгу! Он ушел! Каменные осыпи следов не хранят! Магир повернулся к воинам.«Десять человек останутся здесь! Похоронят убитых! Остальные по моим следам! В погоню! Воины недоуменно переглянулись- Куда? Где искать разбойников?! Магир пояснил – Камни и правда не хранят следов. Но вот алые пятна. Среди разбойников есть раненые. Кони подкованы лишь на передние ноги! Далеко им не уйти! Кашкаец почтительно кашлянул – Мы готовы! Но куда направить стопы нам?! Человек дороги был уже в седле., поясняя на ходу – В пустыню они не пойдут, с ранеными и поклажей не уйдешь далеко, да еще с опасаясь погони! На перевал им не взобраться! Кони собьют ноги, да еще с грузом! У них один путь: по ущелью, уходить к Кара – Тоо, там озера, там можно укрыться в пещерах.

А во главе их стоит умный и хищный зверь! За мной, да поможет нам Аллах! Кони несли всадников уже почти час. Но словно растворились в мареве разбойники. Внезапно один из воинов указал на густые колючие кусты» Смотрите! Клянусь Аллахом!» Магир кивнул – Они почуяли погоню! Своих мертвых они кинули на трапезу стервятникам! Когда до ущелья осталось не много, Магир остановил коня и повернулся к воинам – Два десятка! Вы пойдете сейчас вдоль хребта! Мы нагоняем их! Не давайте им свернуть никуда! Сядьте им на шею! Скоро будет каменный мешок! Вот в него то, они влетят со всего маха! Чужая, предстоящую рубку, воины пришпоривали коней, хоть те и так летели во весь дух. На конец впереди зависло облако пыли. Человек дороги кивнул – А вот и они. В мгновение ока разнеслась команда – Всем стоять рядами, по трое! Щиты поднять! Едва команда была исполнена, как откуда – то, из теснины, ударили стрелы. Полетели с седел, прямо в пропасть, два замешкавшихся воина! Магир обернулся к остальным – Ну, вот..Они в ловушке. Из вот этого каменного мешка... Видите, ход в виде поковы, уже есть только один выход, на тот свет! Закрывшись щитами, воины отряда стеной двигались к логову, попавших в ловушку, разбойников. Возле головы Магира свистнула стрела. Он усмехнулся – У них не плохие лучники! И терять им нечего! А жизнь свою они не ценят! На горы опускался вечер. Магир отдал приказ становиться лагерем и пояснил -Деваться им не куда все равно. Долго не просидишь в каменном мешке! Тут или надо прорываться, положившись на милость Аллаха, или сдаваться! Страже усилить караулы, жечь факелы и нацелить луки на вход в ущелье! Спустилась ночь. Ярко светили звезды. Человек дороги объехал лагерь- Не спать! Самый крепкий сон под утро! Тот кто уснет, не проснется никогда! Внезапно дозорный подлетел к Магиру – Магир, какой то человек машет платком. Он появился из логова разбойников. Он машет платком, просит не пускать стрелы! Он хочет говорить с тобой! Магир устало кивнул"Я ждал чего то похожего! Пропустите его! И не сводить глаза с ущелья!» Вскоре раздалось цоканье копыт и скрывая свое лицо длинным арабским бурнусом, подъехал человек, безошибочно направив коня к костру, у которого сидел Магир! Магир кивнул» Ну, что же, садись Курбан-Менгу! Ибо Аллах завещал выслушать того кто обречен! Садись к костру, брат!» Человек откинул накидку и присел, вытянув руки к огню. Это и в самом деле был Курбан, бывший человек дороги. Вид его был страшен, пересекая нос, шел огромный бугристый шрам, левый глаз был закрыт навечно. Барс караванных троп пояснил – Артык дрался за свою жизнь до конца и умер как мужчина! Послушай меня Магир! Послушай меня! Ты, брат мне! Брат по крови, горячей крови того, кого не страшит смерть! Я знаю, что только ты мог выследить меня! Только ты! Старый Дахир знал кого отправить в погоню! Наш разговор последний! Когда он завершится, мы, увидимся лишь в смертном бою! Когда говорить будут копья и клинки! Магир кивнул – Я слушаю тебя, брат! Я готов выслушать того кому звезды светят в последний раз!» Курбан вдруг страшно усмехнулся – Я очень скоро стану пищей стервятников. Но я хотел бы понять, что за человек ты, Магир? Как в душе твоей ужились Аллах с шайтаном? Я видел многих, но таких как, ты, не встречал! Ты, служишь мерзавцам у которых нет ничего святого на сердце! Ты живешь среди отребья, подобного мне! Среди тех, для кого кровь лить так же просто как дышать! Я стал барсом караванных троп потому, что в роду нашем, не мужчина тот кто добывает хлеб своим ремеслами! Мужчина, тот кто платит кровью! Я прожил век свой! Я сорил золотом и серебром, я восхищал и покорял женщин, покупал любовь! Я знаю, что умру как волк, приняв последний бой! Мне будет что вспомнить на пороге вечности! А тебе, Магир? Чем помянешь ты судьбу свою, Магир- дарваз?! Магир пошевелил кончиком кинжала угли костра» Я слушаю тебя, брат!» Курбан, все больше горячась, перешел на хриплый шепот – У тебя руки, каких я не встречал! От твоих песен плачут даже окаменевшие негодяи, готовый за гитрифи медный, сестру в гарем продать! Ты, лучший человек дороги! Но я то вижу какой пламень сжигает сердце твое! Женщины у тебя нет. Стоит тебе мигнуть, и они сами будут просить твоей ласки! Но, они не интересны тебе! Ты готов раздать то, что имеешь, а имеешь ты не много! Ты, лучший воин, из всех кого я

видел, но спрятав клинок, ты, преображаешься! Так открой мне тайну, на пороге вечности! Скажи, что за человек ты?! Магир долго молчал, а когда поднял голову.. Не по себе стало смертнику от его взгляда. Виновато, застенчиво улыбался Магир, а в глазах его словно навеки застыло пламя, смешанное с пеплом чудовищной тоски. Словно могильным холодом потянуло на караванного разбойника. Магир внезапно крутнул головой» Брат! Можно я отвечу песней? Ведь рожден я дарвазом!» И тихо запел Магир, перебирая струны «Рожден в лачуге иль дворце! Судьбы своей не знаешь! Но коль покинул отчий кров, дороги выбираешь! Велик Аллах, хитер шайтан! Сплетая воедино, твою судьба как свет и тьма горит неугасимо! Платить за выбор наш удел! Но не считаем цену!! Платя за горе и любовь, за радость и измену! За перевалом перевал и сердцу снова тесно! Горит оно в огне страстей! В нем свет и тьма едины! Аллах велик, шайтан умен! Смешались половины!...". Внезапно, он прервал песню и хрипло произнес» А еще.. Узел моей жизни завязался так, что наверно распутать.. или разрубить его суждено лишь смерти.. Сам я не ведаю пути своего.. потому и не могу ответить тебе правдой, Курбан» Курбан слушал словно завороченный. Затем тихо сказал – Я все понял, брат! У меня последнее желание.. Магир кивнул – Все, кроме жизни!» Туркмен прищелкнул пальцами – Сегодня бой, брат! Я всегда мечтал умереть достойно! Ты, в бою примешь вызов мой?. Магир кивнул» Да.. Теперь время говорить копьям и саблям, барс караванных троп. Страшное лицо расплылось в улыбке» Я знал это. Я рад. Еще. Нас в подкове осталось 40 человек. Ты знаешь, что ждет их. Так вот.. Если я паду от руки твоей, то даруй им легкую смерть, не бери в плен. Они будут проклинать жизнь, оказавшись в руках старого Дахира. Если же погибнешь, ты, то поклянись на сабле, что их отпустят с миром!» Глаза Магира сверкнули – Вот мой клинок! И клянусь, что священна для меня просьба смертника! А сейчас прощай, брат! Теперь лишь меч решит все! Уже рассвет робко посматривал на горы, когда бесшумно, словно тени, из ущелья, ринулись в последний бой волки караванных троп. Часовые, поставленные Магиром, были мгновенно посажены на клинки, но приняв первый удар, успели поднять тревогу. Магир ринулся в самую гущу рукопашной все больше разрастающейся. От спасения, разбойников отделяла лишь одна преграда – лагерь Магира. Сметая все на своем пути, они рвались, рубились, захлебываясь кровью, дрались, падали и умирали, один за другим, делая последний шаг, еще шаг, шаг ближе к желанной свободе. В самом сердце беспощадного боя высилась фигура Курбана. Его клинок метал молнии, он, напоминал затравленного тигра-людоеда, валя тело на тело, свирепо рыча. Магир, круша направо и налево, прорубался к нему навстречу. Его удары бы столь мощны и метки, что на несколько мгновений вокруг него образовалось свободное место. Человек дороги поднялся в седле и воздев к сереющему небу клинок, рявкнул-Единоборство! На волю Аллаха! И сиплым рыком ответил ему Курбан, залитый кровью – Единоборство! На милость Аллаха! Бешенством сверкали глаза караванного барса, не ночной собеседник теперь, а зверь, готовый рваться на волю, был перед Магиром. Клинки скрестились. Полетели искры, подобно двум молниям, сверкали сабли. Курбан свирепо обрушивал удар за ударом, со свистом разрубая воздух. Магир, как всегда, холодный и спокойный в моменты, когда смерть смотрит в лицо, отбивался, не отступая ни на шаг. Его сабля, то лениво, шевелилась, то разражалась молниями, заставляя разбойника использовать все свое умение, что бы увернуться или отбить удар. Потрясенные воины шептались- Аллахом клянусь! Не было в мире еще лучше бойцов! Внезапно, Курбан, начавший терять терпение, очертил в воздухе своим клинком, короткую, страшную дугу, намереваясь разрубить врага пополам.. В тот же момент, неуловимым движением, сабля Магира впиалась ему в шею! Ноги туркмена подогнулись и он рухнул, заливаясь кровью. Магир наклонился над ним и услышал едва слышный шепот – Хвала Аллаху! Удар милости, дарваз! Удар милости.. брат! Человек дороги выхватил из за пояса гератский клинок и в мгновение ока, покатила страшная голова, сверкая одним глазом. Дарваз поднял голову и указал воинам на ошестинившихся последним боем разбойников - Смерть! Смерть волчьему племени! Соратники Курбана ответили воем, и с бешенством

обреченных, ринулись в сечу с новой силой. Они не ждали пощады и не надеялись вырваться. Они хотели продать жизнь по дорожке и на последок успеть глотнуть чистого, утреннего, горного воздуха! Уже близился полдень, когда отряд Магира подъехал к воротам Аталыка. Жители стояли на крепостных стенах, теснились на улицах. Ревели трубы, приветствуя победителей. Человек дороги ехал на коне впереди всех и каменным было лицо его... Дахир приветственно воздвиг ладони к нему – Безмерна милость Аллаха! Магир, ты, настоящий воин! Ты рожден для побед! Любая награда мала для тебя! Странная усмешка исказила лик человека дороги – Аллах велик! Почтенный визир!. А награда?. Что может попросить человек дороги, тот чьим братом давно стал ветер, а сестрами тропы судьбы?! Старик улыбнулся, обнажив не по старчески острые зубы – Мне известна скромность твоя, дарваз! Подставь же ладони под дождь щедрот Аллаха и великого эмира! И устало кивнул Магир – Ну, если дождь щедрот готов литься в ладони?. Пусть же в городе сегодня будет праздник и пусть всех кто приговорен сегодня к смерти, выпустят! Довольно пролито крови! От изумления старик поперхнулся хвалебной речью и уставился на Магира, словно на лишившегося рассудка. Дахир попятился от Магира, в немом оцепенении, словно ожидая увидеть в черных глазах безумный, опасный блеск. Но лицо дарваза было усталым и спокойным, с задавленными где то глубоко искрами тоски. Внезапно визир хлопнул себя лбу – Велик Аллах! Как же я не догадался сразу?! Высшая награда – милость Аллаха! Ты хочешь заслужить прощение за кровь пролитую! А Курбан ведь был человек дороги! Брат тебе по крови! Так поступали великие халифы! Первые халифы, настоящие владыки! Магир, ты, хочешь награду небесную!! Отказавшись от дара земного! Эмир закончил вечерний диван (совет) своих приближенных и в какой то, не веселой задумчивости, застыл на месте, в то время, как царедворцы, кланяясь и пятясь, покидали зал. Дахир тоже собрался уходить, когда глаза Арбия остановились на нем и последовал знак, содержащий повеление остаться. Визир осторожно присел, сложив руки на груди. Эмир несколько мгновений молчал, а затем широко улыбнулся – Ты молодец, мой верный слуга! Твоя голова еще крепко сидит на плечах и полна разума! Наш слух больше не будут осквернять деяния бывшего подмастерья из твоей кузницы шайтана, устод Дахир! Дахир так и не понявший, что звучит в голосе повелителя, похвала или насмешка, льстиво склонился – Мой эмир! Мудрость твоя не имеет границ! Я прах ног твоих ничего бы не смог сделать, если бы не воины твои и если бы след шайтана не взял человек дороги! Магир! Арбия удивленно поднял брови – Так этот нечестивый пес нашел свою гибель от руки Магира?! Так значит человек дороги, волк, выследил волка?! Радостную весть принес, ты, мне, старый мой слуга! Верность людей дороги достойна награды! Надеюсь, ты, щедро одарил, Магира-Дарваза? Что попросил он в обмен на голову разбойника Курбана?! Дахир откашлялся – Он попросил награду.. Праздник в Аталыке и даровать свободу всем кого собирались казнить! Эмир вытаращил глаза и несколько мгновений смотрел на старого везира, а затем разразился хохотом – Награда?! Два десятка висельников на воле?! Праздник для города?! Ох-хо-хохо! Ах-ха-хаха! Можно подумать, что повергли второго Бабека – Хурремита! Веселье для аталыкской черни! Дахир поняв, что эмир в добром расположении духа, улыбнулся. Везир выждал когда стихнет смех повелителя и заговорил – О, мой эмир! Сам того не желая, выбрав такую странную награду, Магир оказывает нам большую услугу! Клянусь, Кораном, но бахчи нет цены! Арбия посмотрел на него с недоумением – Какая услуга?! Что преступники выйдут на волю?! Что чернь будет веселиться, славя Магира, безродного волка, сына дорог и ветров?! Старик махнул ладонью – Узники на воле? Да через неделю там будут новые ждать участи своей! А вот слава о милосердии великого эмира полетит далеко! Люд будет знать, что мы не только разим, но и милуем! Что мы щит для правоверных, караем виноватых, но снисходительны и можем прощать! Повелитель крякнул – Да ты мудр, и хитер, словно шайтан, мой Дахир! Клянусь Аллахом, по лицу твоему вижу, что это еще не все! Везир погладил бороду – Что до Магира.. то..ты знаешь о повелитель, что не все так просто в этом

мире греха. Кто то будет славить Магира, кто то завидовать. Но самое главное, что люди дороги, разными глазами будут теперь глядеть на дарваза! И разные помыслы оживут у сердцах их! Арбиль понимающе протянул – Я понял..Я все понял. Кто то станет льстить ему, кто то будет завидовать. Наверняка найдутся те, в чьих глазах Магир упадет. Ведь он убил брата по крови, человека дороги. Убил не по тому, что это нужно было ему самому, а потому что получил приказание! Мой старый Дахир, ты, соткан из мудрости. Старый царедворец кивнул головой – Деяние Магира будет возвеличено! О нем глашатаи будут оповещать всех! А вот для людей дороги.. пусть тоже будет праздник! Аталык радостно шумел предвкушая веселье. Молва несла слух о небывалом подвиге Магире, превращая его в сказочного палвана. Мертвая голова Курбана по прозвищу Менгу, смотрела единственным глазом на город, насаженная на длинный кол. Магир чувствовал взгляды людей. Кто то глядел льстиво, кто то восхищенно, в чьих то взорах светилась ничем не прикрытая зависть. Вечером, в одном из покоев дворца, Дахир собрал людей дороги. Им так же было суждено праздновать. Стол ломился от угощений, вин, сладостей. Магир бегло оглядел сотрапезников. Те же, кто и делил трапезу с ним в прошлый раз. Но нет толстого Гафура и не будет никогда, в райские сады Аллаха отправились Артык и Курбан. Что то сжало душу Магира, какое то странное предчувствие. Он своим звонким голосом начал читать поминальную молитву. И что было в его голосе, что такое, что даже самые заросшие мхом души, самые окаменевшие сердца, облизывавшиеся, лишь на богатый стол, затихли и вслушались. Дарваз молитвенно сложил ладони, словно приглашая всех почтить память умерших. Трапеза разгоралась, вино и еда исчезали в бездонных глотка, шумнее и развязнее становились сотрапезники. Кто то тянулся с чашей к Магиру, не сколько человек бросали в его сторону взгляды, явно далекие от дружелюбия, два брата Мирза и Салих, перешептывались, время от времени искоса поглядывая на дарваза. Наиль, который пришел на трапезу уже пообщавшись с дурманным зельем., вдруг сделал просительный жест ко всем, как бы призывая дать ему слово. Головы пирующих повернулись к нему. Наиль чуть качнулся – Велик Аллах, братья! Милость его безгранична! А нам, редкая удача выпала! Нам, безродным бродягам, людям дороги, чей удел закончить свою жизнь в руках палачей! С нами за столом пирует сам Магир, великий Магир! Обласканный великим эмиром и судьбой! Первый среди нас!. На лице Магира мелькнуло удивление. Зрители начали переглядываться, а Наиль продолжал – Великий Магир! Он настолько велик, что он теперь не только первый среди нас! Он теперь держит наши судьбы в кулаке! Ему приказал великий эмир и голова Курбана красуется на шесте, прикажет везир, и любой из нас будет звать смерть в объятиях кола и огня! Великий Магир! Он всегда такой, словно отмеченный ангелами! Полон великодушия, словно сказочный Рустам! А чем же он лучше нас? Чем судьба его чище, скажите мне?. Раздались удивленные голоса – Да он не в себе! Он наносит оскорбление сотрапезникам! Кто то попытался силой усадить Наиля на место. Но тот вывернулся со змеиной ловкостью и разгорячась, выкрикнул – Да!!! Курбан был зверем, родился воином и умер им! Он, не пытался быть благодетельным и чистым, как Магир! Он был таким, какой есть! И не надо прятать глаза, как невесты перед брачной постелью! Вы знаете это! Мы, все, порождение шайтана! Мы, призраки дорог! Мы льем кровь, но не играем в святых и не носим добрых личин, как дарваз. Кто то выкрикнул – Клянусь Кораном! Наиль прав! Нельзя быть улемом и носить копыта!. Из угла басовито ответил мрачный Хаким- Закрой свой лживый рот! В человеке должна душа оставаться, хоть в самом грязном! Шум стал всеобщим. Наиля силой усадили на скамеечку. Он вырывался и продолжал выкрикивать брань. Внезапно, словно по команде все стихло и лица повернулись к Магиру. Человек дороги смотрел на своих сотрапезников, на тех с кем свела его судьба, спокойно и грустно. Со стороны казалось, что его не задевает и совсем не касается назревающий скандал, уже пахнувший кровью, но было видно что судорожно пальцы его вцепились кисточку праздничного халата. Внезапно он поднялся во весь рост и четко и спокойно звучал голос его- Видит Аллах! Тропы судьбы связали всех нас! Сделали

братьями по крови! Я скорблю о Курбане! Клянусь небом! Тысячу тысяч раз я попрошу у него прощения, когда наши души встретятся! Упрек разрывает мое сердце, упрек в том, что я готов распорядиться судьбой любого из вас! Горек он и не справедлив! Все знаю, что не ценит Магир собственную шкуру и отдаст свою жизнь, не думая! Раздались крики- Мы знаем дарваз!! Ты, верный друг, ты, готов выручить и отдать последнее! Магир повернулся к Наилю – Ты настоящий друг! Черным было бы сердце твое и глухой душа, если бы не было в нем скорби о Курбане. Два раза он вырывал тебя из объятий могилы. Когда пал под тобой конь, а, ты, был ранен, он, отдал тебе своего скакуна, а сам спасался бегом. А когда, ты, попал в зиндан, он, выволок тебя из ямы, хотя у самого была рана на руке и он тащил веревку зубами!». И все увидели что срипит зубами Наиль, что слезы стоят в его глазах и всем стало на миг жутко, словно в черную бездну заглянули люди дороги. Магир потрянул своими чудными кудрями! – Послушайте, что скажет вам мой язык! Всем предстоят тропы судьбы! Всем сужден судный путь! Но главное, что бы ни делал ты, куда бы не заносил тебя ветер странствий, помнись, что, ты, человек и рожден матерью! Одобрительный гул голосов прервал его – Красиво сказал дарваз! Тебе бы не ветер судьбы в братья кликать, а улемом – ученым быть!. Наиль подошел к Магиру и попытался улыбнуться – Прости дарваз! Прости меня, брат! Горе помутило разум мой! Даже если жил недостойно, надо умирать с честью. Мрачный Хаким возник рядом- Что за человек, ты, Магир?!! Что за сердце у тебя?!! Ты убиваешь, мастеришь, играешь Ты, иногда, потрясаешь своей ловкостью и свирепостью!! Ты жалеешь всех! Ты хочешь остаться человеком! Разные дороги суждены всем, но вот тебе рука моя, Магир Когда тебе потребуется помощь ты скажи лишь слово свое! И скажи мне, дарваз, ты уверен, что сможешь сохранить в этой грязи, в этих играх шайтана сердце свое и душу?!!! Я спрашиваю потому, что чувствую на шее своей острие ножей палачей. Магир коснулся губами его заросшего волосом уха – Не знаю, брат! Но я мечтаю умереть человеком, даже если не удастся человеком прожить свой век! Уже перед рассветом расходились сотрапезники. Магир вышел на двор. Горели костры, лениво переговаривались стражи. Алая полосочка зари уже выглядывала из за отрогов. Только тут Магир почувствовал как устал за эти дни и ночи. Он, не торопясь, прошелся по двору, полюбовался на коней, затем вернулся в покой и упав на теплую, душистую, кошму мгновенно, уснул, по детски крепко и беззаботно. Он спал весь день, весь вечер. Ночь уже раскрывала Аталыку свои объятия. Словно огромным черным крылом неведомая птица обнимала подлунный грешный мир. И ни кто не ведал, что кому сулит рассвет. Спал, не зная своей судьбы Магир, по стариковски ворочаясь и вскрикивая, то просыпался, то уходил в мир снов старый Дахир, чему то страшно улыбался во сне эмир Арбиль, разбрелись словно ночные хищники, по своим убежищам, люди дороги, кто то шагал уже в предрассветном сумраке, вновь измеряя ногами дорогу и тягаясь с не ласковой судьбою Магир проснулся среди ночи, ощутив на себе чей то взгляд. Еще находясь в полусне, он, молниеносно ухватил рукоять кинжала, всегда лежавшего под подушкой. И только после этого он стряхнул с себя сон и открыл глаза., почти сразу узнав в потемках свирепое лицо Хакима. Бывший караванщик предостерегающе поднял руку- Я не со злом пришел к тебе, Магир- дарваз! Прости, что час не урочный, но не будет другого времени! Магир потрянул головой- Что же..Коли так, рад гостю. Садись, пусть умной будет беседа! Хаким усмехнулся какой то мысли- Умная беседа... Послушай меня, Магир. Я, давно не верю людям, может быть по тому, что давно нет правды ни в делах, ни в словах людских. Кругом звери и каждый готов запустить клыки в глотку соседу! Магир, чуть зевнул, прикрыв ладонью рот- Истину, ты, вещаешь. Но не стоило ради нее будить меня, почтенный. Кстати, ты, за спиной держишь гератский нож, будь добр держи его в руке, впереди!» Хаким потер бороду» Ох, шайтан! Увидел! Так вот, дарваз..Я хочу поговорить с тобой. Я давно не верю никому и ничему, но, ты из тех, в ком еще осталось вложенное Аллахом!» Магир кивнул – Слушаю тебя почтенный!. Хаким перешел на шепот – Я долго думал..Я думал с того дня когда мы сидели за столом. Помнишь?

А потом когда ты отправил к Аллаху Курбана, когда недавно пировали все. Я долго думал, Магир. Мир наш, яма зловонная. А те с кем свела нас судьба давно перестали людьми быть. Ты это знаешь сам. Собеседник придвинулся поближе к позднему гостю – Явно не за тем явился ты, что бы излить душу мне. Чего хочешь ты, Хаким?! Бывший караванщик долго молчал. Затем решительно тряхнул головой – Днем умер Наиль. Дурманного зелья оказалось слишком много. Он сперва пел, а затем упал на бок, захрипел и не встал больше!. Магир сложил ладони – Да примет Аллах душу его.!! Так чего хочешь ты, Хаким?!. Медведеобразный мужчина едва слышно шепнул – Я хочу умереть свободным! Умереть человеком! Понимаешь, Магир! Дарваз качнул головой – Понимаю. Ты, хочешь бежать, уйти из Аталыка? Ты же знаешь, что если не настигнут убийцы эмира, то встретят палачи того края куда прибежишь. И горячей встреча будет, ох, горячей!. Хаким сжал огромный кулак – Знаю, но для того что бы уйти, нужно быть уверенным, что эмиру будет не до поисков какого то бродяги, человека дороги!. И едва слышно, он, шепнул – Главный яд не в эмире. Страшнее старый Дахир. Ядовитая гадина. Его дыхание отравляет пострашнее чем запах шайтана..Я убью его. А потом покину Аталык навсегда. А если не получится уйти, то дам последний бой... и уйду из жизни человеком! Человеком, а не волком, дарваз! Магир оглянулся по сторонам – Это не возможно. Старик боится за свою жизнь. Не верит никому. Почти не покидает дворец! Поздний гость хмыкнул – Знаю, но завтра пятничная молитва, а в этот день он едет в мечеть вести беседы с улемами. Я.. я постараюсь сделать так, что бы он попал на беседу шайтаном. Прощай, дарваз. Нам видно не суждено увидиться в мире этом. А в том.?!..Узнаем ли мы друг друга? А ты.. если.. что.. попроси милости у Аллаха.. для грешного Хакима. Чисто сердце твое и дойдет твоя молитва!. Утро стояло над Аталыком. Уже призвал к молитве муэдзин. Старый Дахир не спеша ехал по городу. Верные стражи, из наемников- карлуков, расположились чуть впереди и сбоку. Рядом с Дахиром, почтительно склонившись, ехал главный смотритель тюрьмы в Аталыке. Его имя внушало ужас самым храбрым. Что то беспокоило старика, что то, словно соринка в глазу, царапало. Вот наконец и поворот на улочку, где располагалась главная мечеть. Дахир повернул голову к тюремному смотрителю – А, что почтенный Зулум-Закария, славное утро послал Аллах!. Тот чуть наклонился и в тот же миг отточенный нож пролетел буквально в пол-пальце от головы Дахира и вонзился по самую рукоять, в горло тюремщика! Дахир втянул голову в плечи и согнулся в седле. Стражи, не глядя на свесившееся с седла тело тюремного смотрителя, ринулись, разгоняя ранних прохожих, искать то место, откуда дерзновенная рука посмела метнуть нож. Вскоре с гиканьем и воем, они, неслись к небольшому, глинобитному, дувалу, шагах в двадцати в стороне. Огромный, заросший черным волосом, человек, с легкостью, вскарабкался наверх и страшным ударом сбив подлетевшего стража, оказался в седле и пришпорив коня, вылетел на главную площадь Аталыка. Воины уже толпой обступили его. Сзади дребезжал голос Дахира, оправившегося от страха – Живым! Берите его живым!. Всадник поднял коня на дыбы и молнией засверкала сабля в его руке. Он не надеялся бежать. Хаким просто хотел дорого продать свою жизнь. Он, рубился, вкладывая в каждый удар всю свою боль, всю свою ненависть, отчаяние храброго человека. Потеряв в беспощадной рубке троих, карлуки расступились. В руках двоих мелькнули арканы. Пьяно качнувшийся в седле, залитый кровью, Хаким, презрительно, улыбнулся и последним движением вонзил в свой окровавленный бок, короткий, широкий нож. Ярости старого везира не было предела. Брань сыпалась на головы стражей, на сбежавшихся зевак..Арбиль молча смотрел на старого везира, на его трясущиеся руки. Затем повернулся к низенькому столику, несколько минут перебирая четки, а уж затем тихо сказал – Ты жив и не ранен, мой верный везир! Хвала Аллаху! А вот как объяснишь, ты, мне, что пеплом от костра рассыпаются все за мысли наши, а? И кто скажет, козни какого шайтана замешаны здесь?. Дахир судорожно глотнул воздух – Мой повелитель, столь глубока мысль твоя, что я прах ног твоих не постигаю... Эмир коротко и жестко перебил – Все ты постигаешь, мой

верный везир..Ты, стараешься обдумать ответ и оправдать себя. Он жестом подозвал Дахира и растянул на столике лист пергамента – Вот смотри. Это ковер земли. Смотри везирь. Вот наше владение. Сжато оно не добрыми соседями. Газневиды в любой момент готовы вцепиться в глотку и сожрать. Кочевники живут набегами. В Мавераннахре смуты и войны, в Сеистане роды делят земли и льют кровь, без конца. Мы знаем много о том, что творится, но велик Аллах..ненависть пошла по нашим пятам. Люди дороги..Клинок в руках наших, глаза и уши наши. Что происходит с ними?. Может объяснишь мне мудрость твою?! Почему рвут они все чаще петлю повиновения, почему идут неудачи, словно смеется шайтан над нами, а? Дахир вздохнул – Позволь сказать мой повелитель. Люди дороги лишь орудие в руках умелых. А оно может тупиться, может отказать. Ах, черная неблагодарность! Большинство из благодетельствованных мною, висельники, головурубь, отродье шайтана. Но и они тоже не бездушны. Словно звери они рвут цепи и силки. Готовы умереть, но пробуют ломать свою судьбу.! Эмир усмехнулся – Мало этого, начинают кровь лить, как Курбан или, какая низость, покушаются на твою жизнь драгоценную, как Хаким или сдыхают от дурманного зелья, как Наиль.!! Везир согласно кивнул – Да это так, мой повелитель. Кому можно верить в этом мире греха? Ну кому?!! Порой я смотрю в их глаза и пытаюсь понять..Понять, что на сердце у них? У людей дороги? Какие замыслы лелеют они? Эмир не торопливо потянулся к столу и машинально подбросил на ладони дирхем – Они живут рядом с людьми, среди людей! И все людские пороки..Все чем наделил Аллах присуще им..И только поняв, что движет ими можно заставить их повиноваться. Мой везир, ты, отбираешь их из зинданов, с рынков, рабов, отнимаешь хлеб у палачей! Но можно ли положиться на их верность, после всего, что произошло в последние месяцы?! Внезапно лицо старика исказилось, оскалились острые зубы и он уставился на эмира, словно желая вцепится повелителю в горло. Это было настолько не ожидаемо, что Арбиль не заметно положил ладонь на рукоять дамасского кинжала. Скрежещущим голосом старик заговорил – Все книги полны мудрости! Все советуют брать людей дороги из самых честных, самых умных, самых верных! Где взять их!? Повелитель, да, где я возьму их?! Самый порядочный, самый мудрый, донося, проливая кровь, видя смерть и пытки, черствеет! Да это бы пол-беды! Утратив сердце, он, начинает предаваться порокам!! Висельники забывают благодарность! Они порочны по душе своей! А как может проникнуть в чужую душу, тот у кого по роже шайтан проскакал?! У кого все пороки на лбу написаны?! Старик почти кричал, прямо в лицо эмиру., задыхаясь, словно переживая вновь момент, когда мелькнуло мимо головы лезвие ножа! Эмир вдруг дружески улыбнулся – Не стоит так горевать и горячиться, мой верный слуга... Надо решать, что делать дальше. Можно отправить в объятия палачей тех кто остался в Аталыке из людей дороги. За ними столько грехов, что жалеть о них не кому, а шайтан их заждался! Можно.. помнишь, ты, говорил о людях жизни и людях смерти. Того, кому нет веры, отправить в путь..отправить в сады райские, руками врагов наших. Того, кто еще хранит пламень веры в сердце поощрить, милость оказать. Послать туда откуда можно вернуться. Успокоившись, старик улыбнулся – Ты мудр, повелитель..Цена жизни многих из них не велика..Но, у палачей своей работы хватит... Пусть они сперва сослужат службу свою у стремени нашего..А.. там... Он махнул рукой и прибавил – Звезда среди сброда этого – один Магир, вот для него Аллах с шайтаном не пожалели ничего. Но вот в чем дело повелитель..Сомнения камень лежит на сердце моем..Эмир заинтересованно кивнул – Продолжай Дахир. Везир погладил бороду – Он слишком долго сидит здесь, общается с этими выкидышами шайтана. И порочные мысли могут прийти в голову и ему. А он видит и чувствует людей. Он свой, в каждом доме, от дворца до лачуги. Ах, как важно нам знать, чем живут правители, черные люди, купцы в Банакенте, Баласагуне. Пусть он идет туда. Просто посмотрит, послушает. Пусть музыка дорог зазвенит в его сердце. Резать глотки и грабить есть кому, а вот видеть жизнь..Дано не всякому. Эмир, по волчьей, втянул воздух ноздрями – А не уйдет ли, он, почуяв волю?. Дахир мотнул седой головой – Куда

и к кому? Во многих местах его помнят и ждут. Палачи и кожа казней. А там где не знают? Кому нужен, он, на чужбине? Да и в любой момент можно убрать его руками врагов наших. А их хватает. Арбиль прищурился – Мы заговорились, мой верный везир. Сейчас время славного тоя. Достархан уже накрыт. Какую баранину приготовили повара, а какой плов с лимоном!!..Магир, не спешно, шел по тропе, ведущей в Баласагун. То и дело его обгоняли всадники, отряды воинов, караваны купеческие из Балха, Термиза, Абиверда, Хорезма. Дарваз с наслаждением вдыхал воздух весны, чувствуя как встряхивается и пробуждается в теле и душе любовь к жизни. Стражи у городских ворот, осматривавшие товары и взимавшие дань с караванщиков, лишь мельком бросили взгляд на странствующего кудрявого дарваза, с походной сумкой, и неизменным рудом в руках, и занялись своими делами снова. Ах как шумел базар! Чего здесь только не было!!..Магир с удовольствием и знанием дела, оглядывал, цокая языком, кашмирские и бухарские клинки, чеканную, гератскую и кундузскую посуду, седла из Коялыка и халаты из Исфагана, фрукты из Мазендарана, халаты и сапоги из Гиляна. Всем великолепием красок сверкал базар, многоголосица речи, говорюв оглушала. Как же все это было знакомо ему, страннику по жизни, побратавшемуся с ветрами и солнцем! Внезапно, он, услышал громкий голос продавца расхваливающего свой товар – А вот книги! Воистину книги! Источник мудрости! Вечный источник, питающий сердце и душу! Дарующий наслаждение разуму! Вот труды великого Ибн Сины, вот славный, непревзойденный Бируни, вот мудрость великого Ибн Русте. Покупайте правоверные! Дарваз подошел к лотку. Торговец мигом оценил покупателя и улыбнулся широко – Я вижу странника – дарваза, по одежде! Люди твоего сословия любят наслаждение и веселье! Вот, покупай. Недорого, за пять дирхемов отдам. Трактат о науке наслаждения любовью» Ветка персика!». Магир едва сдержал едкую усмешку – Да нет, почтенный. Трактаты о любви хороши для всех, но другого просит сердце мое! Книготорговец понял его по своему- А.. наверно, ты, не умеешь читать и писать?!! Может, ты, хочешь, что бы ученый писец, за два – три гитрифи, написал за тебя послание или прочитал чью то весточку. Так я могу тебе сослужить такую службу! Кудрявая голова Магира отрицательно мотнулась – Нет почтенный! Я хочу посмотреть! Есть ли у тебя стихи, рубаи, касыды, поэмы, великих Рудаки, Хайяма, Фирдоуси?! От изумления брови торговца полезли на лоб – Да, видно, ты учен и грамотен, дарваз! Есть конечно. Но могу предложить тебе вот это. Велики познания твои, но вот этот поэт. Его знают и любят, даже те кто преклоняется перед мудростью Рудаки и Фирдоуси.! Дарваз не доверчиво хмыкнул и взял в руки книгу на обложке которой было выведено арабской вязью» Благодатное знание «» И через несколько мгновений мир исчез для него. Почти не слушая бойкого торговца, он расплатился, и не в силах оторваться от удивительных, литых строк, пошел дальше. Его толкали, недоуменно натыкались, грубо окликали, но мир сосредоточился на удивительных стихах Юсуфа Баласагуни, так было написано на первой странице, выведено тонким каламом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.